

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ АЛАН IV-IX ВВ.

Д.С. Коробов

© Д.С. Коробов

Published in March 1999 by:

OPEN SOCIETY INSTITUTE
CENTER FOR PUBLISHING
DEVELOPMENT
**ELECTRONIC PUBLISHING
PROGRAM**

Open Society Institute
Center for Publishing Development
Electronic Publishing Program
Október 6. u. 12
H-1051 Budapest
Hungary
www.osi.hu/ep

This work was prepared under financial support from the Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation.

Research Support Scheme
Bartolomějská 11
110 00 Praha 1
Czech Republic
www.rss.cz

The digitization of this report was supported by the Electronic Publishing Development Program and the Higher Education Support Program of the Open Society Institute Budapest.

Digitization & conversion to PDF by:

The logo for Virtus features the word "VIRTUS" in a blue, serif font. A horizontal blue gradient bar is positioned below the letters.

Virtus
Libínská 1
150 00 Praha 5
Czech Republic
www.virtus.cz

The information published in this work is the sole responsibility of the author and should not be construed as representing the views of the Open Society Institute. The Open Society Institute takes no responsibility for the accuracy and correctness of the content of this work. Any comments related to the contents of this work should be directed to the author.

All rights reserved. No part of this work may be reproduced, in any form or by any means without permission in writing from the author.

Contents

Введение	1
Выделение локальных вариантов катакомбного обряда погребения.....	4
Изучение семейных структур северокавказских алан.....	11
Исследование социальной стратификации северокавказских алан.	14
1. Катакомбные погребения III-IV вв.	14
2. Катакомбные погребения IV-V вв.....	15
3. Катакомбные погребения V-VIII вв.....	17
4. Катакомбные погребения VIII-IX вв.	22
Выводы.....	26
Список литературы.....	29
Список сокращений.....	33
Illustrations	34

Введение

Эпоха Великого переселения народов оставила огромный след в истории многочисленных этносов. Одним из таких этносов были аланы, занимавшие к началу гуннского вторжения степи Центрального Предкавказья. Красочное описание их быта донесено до нас Аммианом Марцеллином. После гуннского вторжения часть алан, пройдя по территории Западной Европы, дошла до юга Пиренейского полуострова и Северной Африки, где некоторое время существовала в составе Вандальского королевства. Оставшиеся на Северном Кавказе аланы достаточно быстро попадают в сферу интересов Византии и Сасанидского Ирана, а затем Хазарского каганата и Арабского халифата. Немногочисленные письменные свидетельства позволяют предположить, что в период войн этих крупных держав аланские племена в западной части Кавказа консолидировались под руководством военных вождей (так называемых «царей»), (царь Саросий, о котором сообщает Феофан в связи с событиями 558 и 571 гг., а также Итаксис - в начале VIII в.). Сложные социальные процессы, происходившие в аланском обществе в период раннего средневековья, привели в X в. к сложению государства Алания с могущественным царем во главе, о чем повествуют византийские (например, Константин Багрянородный) и арабские (Масуди) источники.

В советской науке существовали две основные точки зрения по поводу характеристики общества у алан в V-VIII вв. С одной стороны, ряд авторов считал, что этот период можно назвать эпохой военной демократии с присущей ей социальной однородностью общества (Кокиев, 1926; Скитский, 1947; Алексеева, 1971; Ковалевская, 1958, 1981; Магометов, 1974; Джиев, 1982 и других). Другой точки зрения придерживаются авторы, полагающие, что на V-VIII вв. приходится формирование феодальных отношений, которым соответствует сильная имущественная и социальная дифференциация (Деген-Ковалевский, 1935; Иссен, 1941; Крупнов, 1946; Гарданов, 1960; Найдено, 1984). Промежуточное положение между этими двумя крайними точками зрения занимали авторы, характеризующие аланское общество как раннеклассовое, когда происходит разложение военной демократии при формировании феодальных отношений (Минаева, 1965; Кузнецов, 1962, 1971, 1980, 1984; Дидебулидзе, 1983; Гутнов, 1991, 1993). Следует отметить, что все вышеприведенные выводы базировались на скудных данных письменных источников, интуитивных наблюдениях о большем или меньшем «богатстве» отдельных погребений на немногочисленных могильниках.

Между тем, длительные археологические исследования на Северном Кавказе привели к открытию многочисленных погребальных памятников раннего средневековья, в особенности катакомбных могильников (рис. 1). Начало изучения этого рода памятников более 100 лет назад на территории Осетии и Дагестана повлекло за собой рост интереса ученых к проблемам археологии раннего средневековья на Кавказе. Сейчас известно более 1000 катакомб III-X вв. на Северном Кавказе. Эти своеобразные погребальные сооружения, располагавшиеся как в виде грунтовых могильников, так и под невысокими курганными насыпями, представляют собой длинную входную яму (так называемый дромос) прямоугольной или трапециевидной формы, иногда с различными ступеньками для спуска вниз, которая с помощью входного отверстия соединялась с погребальной камерой. Входное отверстие перегораживалось различными материалами. Как правило, это были каменные плиты, которые иногда плотно замазывались глиной, реже сооружалась каменная кладка (с раствором и без него). Встречаются погребения, закладом которых являлось дерево и даже жернов. В погребальной камере овальной или прямоугольной формы с округлым либо шатрообразным куполом располагались погребенные (от 1 до 7 человек), уложенные в вытянутой позе на спине или слабоскорченной на правом или левом боку, а также многочисленный погребальный инвентарь. Подобный вид погребальных сооружений мог быть вырыт в плотном грунте (глине или песчанике),

что определяет распространение их именно в предгорной зоне Северного Кавказа и практическое отсутствие в высокогорной зоне, где преобладали другие типы погребений (каменные гробницы и ящики, высеченные в скалах камеры).

В результате длительной дискуссии, большинством ученых в настоящий момент считается, что катакомбные могильники, распространенные от восточных территорий Чечни до среднего течения Кубани на западе, были оставлены аланскими племенами. На территории Дагестана подобный вид погребальных сооружений связывается, обычно, с близкими аланам ираноязычными племенами маскутов или тюркоязычных гуннов. (*Гмыря, 1993, с. 225-228*).

В последние годы появились работы, исследующие социальные процессы в аланском обществе VIII-IX вв. на Среднем Доне и Северском Донце (*Афанасьев, 1993*) и X-XII вв. на Северном Кавказе (*Савенко, 1989*). В отличие от предшествующих исследований, они базируются на изучении погребального обряда крупных катакомбных могильников и применении специальных методов социологических реконструкций.

Полученные Г.Е. Афанасьевым и С.Н. Савенко результаты необходимо сравнить с материалами северокавказских катакомбных могильников IV-IX вв. Проведение подобного исследования может дать интереснейшую картину развития аланского общества в Юго-Восточной Европе с эпохи Великого переселения народов по эпоху монгольских завоеваний, проследить сходства и различия в общинах алан, оставшихся на Северном Кавказе и переселившихся на Средний Дон и т.д. С этой целью мною была начата работа по созданию информационно-поисковой системы (ИПС) "ALAN", в которую вошли все известные на сегодняшний день северокавказские катакомбные могильники IV-IX вв.

Информационно-поисковая система создавалась на основе программы DBase III+. Она состоит из 7 самостоятельных баз данных, связанных между собой единым шифром для каждой катакомбы и включают в себя информацию о каждом могильнике по годам исследования („МОГ“), об ориентировках дромоса катакомбы и погребенных в камере („DROMOS“), общие данные о катакомбе ("ALAN1"), описание погребального сооружения («ALAN2»), останков погребенного («ALAN3») и сопутствующего погребального инвентаря («ALAN4»), а также данные о курганных насыпях ("OSSET5") для подкурганных катакомб.

Список признаков составлялся на основе работ многих авторов. При описании катакомб предпочтение отдавалось архивным данным - отчетам о раскопках - хранящихся в архивах ИИМК в Санкт-Петербурге (раскопки до 1945 г.) и ИА РАН в Москве, так как при публикации результатов раскопок неизбежно накапливаются фактические ошибки. На сегодняшний день информационно-поисковая система «ALAN» объединяет данные о 1216 катакомбах с более чем 1600 погребениями, описанными по 240 признакам. Опубликовано описание и структура ИПС, а также первые результаты работы (*Коробов, 1995, 1996, 1998*).

В исследовании мною были использованы статистические пакеты „Statgraphics“ и „Datascop“, предоставленные Г.Е. Афанасьевым. Большую помощь оказала В.Б. Ковалевская и Ю.Г. Рычков, давшие возможность использования специализированного пакета построения ареальных карт „GGMAG“, разработанного и апробированного в лаборатории Генетики Человека Института общей генетики РАН (руководитель докт.биол.наук Ю.Г. Рычков). Автор выражает свою благодарность сотруднику лаборатории О.В. Жуковой за ценные консультации по использованию данного пакета. Неоценимую помощь автору оказал В.Ю. Малашев, предоставивший консультации по хронологическим особенностям комплексов ранних периодов. Выражаю свою благодарность доценту Редингского Университета доктору Х. Харке, давшему ценные указания о зарубежной литературе по вопросу исследования, а также предоставившему возможность работать с программой WinBASP. Данная работа проводилась при финансовой поддержке Фонда Сороса Институтом Открытое общество и Research Support Scheme (грант № 693/1996).

Выделение локальных вариантов катакомбного обряда погребения

Первый этап работы был направлен на выяснение локальных особенностей катакомбного обряда погребения в эпоху раннего средневековья на Северном Кавказе. Поскольку рассматриваются материалы катакомбных могильников с IV по IX вв. н.э. на широкой территории (от средней Кубани на западе до Прикаспийского Дагестана на востоке), необходимо сначала выделить признаки, характерные для погребального обряда различных хронологических периодов и локальных регионов, а затем уже изучать социальные процессы на материалах конкретных могильников с учетом хронологических и территориальных особенностей обряда погребения.

Несмотря на длительную историю изучения катакомбного обряда погребения и на многочисленный накопленный материал, специального исследования по выделению локальных групп на материалах раннесредневековых катакомбных могильников не производилось. Известны работы В.А. Кузнецова (*Кузнецов, 1962, 1973*), в которых при рассмотрении всей совокупности археологических материалов V-X вв. он выделяет два основных варианта аланской культуры на Северном Кавказе - западный (от Верховьев Кубани до течения Малки) и восточный (от течения Малки до бассейна Аргуна) с присущими каждому варианту типами погребальных сооружений и укреплений. Подобного деления придерживается и В.Б. Ковалевская (*Ковалевская, 1981*). Погребальные памятники III-V вв. (катакомбы, каменные гробницы и склепы) рассмотрены в недавней монографии М.П. Абрамовой (*Абрамова, 1997*). Автор выделяет две зональные группы погребальных памятников (северную/предгорную с господством катакомб и южную/горную с преобладанием каменных подземных склепов) и две локальные группы по близости материальной культуры - западную (Кисловодск, бассейны Малки, Баксана и, возможно, Дигории) и восточную (памятники, локализующиеся в междуречье Сунжи и Аргуна). Все указанные авторы рассматривали разные по типам погребальные сооружения. Кроме того, в анализ не включались катакомбные могильники Прикаспийского Дагестана.

На стадии выделения локальных особенностей катакомбного обряда погребения на Северном Кавказе использовались материалы из 1107 катакомб, происходящих из 102 могильников. Каждая катакомба была отнесена к одному из четырех достаточно широких хронологических периодов.

- период 1 - III-IV вв.;
- период 2 - IV-V вв.;
- период 3 - V-VIII вв.;
- период 4 - VIII-IX вв.

Методика выделения локальных групп катакомб заключалась в нескольких этапах. Поскольку анализировался достаточно многочисленный материал, представлялось оправданным сперва разделить весь имеющийся массив данных на территориальные группы по мере близости расположения могильников относительно друг друга, а затем уже сравнивать полученные группы по различным признакам между собой. Поскольку в некоторых группах присутствовали как грунтовые, так и подкурганые захоронения, было произведено общее сравнение всех катакомб каждого вида друг с другом по всей совокупности признаков. Затем внутри каждого вида катакомбы были разделены в зависимости от принадлежности к хронологическим периодам и произведено сравнение их. Следующим шагом было сравнение параметрических характеристик и элементов погребального обряда между катакомбами разных территориальных групп, отдельно для грунтовых и подкурганых захоронений. Последним шагом была характеристика компактности каждой

выделенной территориальной группы через сравнение катакомб между собой по могильникам.

Сначала проводилась группировка катакомб по близости расположения в пространстве. Это было достигнуто путем кластерного анализа вычислением эвклидова расстояния между объектами (могильниками) по двум признакам - долготе и широте. Кластерный анализ проводился при помощи программы „Datascopе“ по двум признакам - долготе и широте, характеризующим каждый объект (могильник). Я исходил из того, что при кластерном анализе такого рода объекты будут объединяться в кластеры по мере реальной близости в пространстве.

В результате проведенного кластерного анализа 102 могильника были объединены в 11 кластеров (территориальных групп) (рис. 2).

В первую группу (рис. 3) вошло два могильника в районе Краснодара. Вторую группу образуют три могильника: Мостовой в Отрадненском р-не Краснодарского края и Байтал-Чапкан и Хумаринский в Карачаево-Черкесии. Очень компактной выглядит третья группа, состоящая из катакомбных захоронений Кисловодской котловины. В четвертую группу попадают памятники юго-восточной части Кабардино-Балкарии. Катакомбные могильники Северной Осетии разделились на три группы: степную в районе Моздока, представленную подкурганскими захоронениями (Братское, Октябрьское и Виноградное), западную, в основном включающую в себя памятники Дигорского ущелья и северо-восточной части Кабардино-Балкарии, и восточную, представленную катакомбами Владикавказской котловины и Ингушетии (группа 7). Катакомбные погребения Чечни составляют две группы - центральную и восточную. Наконец, 10 и 11 группы расположены на территории Дагестана, в северной его части (комплекс памятников в районе Верхнего Чир-Юрта и примыкающего к нему Андрей-аула - группа 10) и в южной, прикаспийской (группа 11).

Далее, были рассмотрены данные по 1107 катакомбам, из которых 850 отнесено к грунтовым и 257 к подкурганским. Большинство подкурганских захоронений относятся к 1-й и 2-й хронологическим группам (соответственно, 31,9 % и 19,1 %), тогда как во второй половине VIII - начале X вв. они не встречаются. Территориально подкурганские катакомбы расположены в большинстве своем в центральных и восточных районах Северного Кавказа, грунтовые - в западных. Это следует из ареальной карты, построенной с помощью компьютерной программы «GGMAG» (рис. 4).

Изучение хронологических изменений погребального обряда. Приведенное выше распространение катакомб в различные хронологические периоды было неодинаковым. Были построены карты с ареалами распространения катакомбных могильников на территории Северного Кавказа по четырем хронологическим группам (III-IV вв., IV-V вв., -VIII вв. и VIII-IX вв.). Распределение подкурганских катакомб разных территориальных групп по хронологическим периодам, показано на диаграмме (рис. 5). Очевидно, что основная масса катакомб первого периода приходится на территории степной Осетии, восточной Осетии и Ингушетии и центральной Чечни. Катакомбы IV-V вв. расположены в основном в Прикаспийском Дагестане (несколько катакомб в Восточной Осетии), а подкурганские захоронения V-VIII вв. встречаются только в Восточной Чечне и северном Дагестане. Таким образом, изучение хронологических изменений в погребальном обряде в большей степени будет отражать различия локальных групп памятников.

Подобный вывод касается и грунтовых катакомб. Распределение их в различное время в пространстве отражено на следующей диаграмме (рис. 6). В первый период грунтовые катакомбы встречаются в Карачаево-Черкесии, Кисловодске, в западной Осетии и центральной Чечне. Погребения второго периода расположены в западной и восточной частях Осетии. Очевидно, что на западе Северного Кавказа преобладают

катакомбы третьего периода, составляя большинство в Карачаево-Черкесии, Кисловодской котловине и на западе Осетии; катакомбы VIII-IX вв. являются единственными для района Краснодара и центральной части Кабардино-Балкарии, преобладают они и на востоке Осетии - Ингушетии, в центральной и восточной Чечне. Грунтовые катакомбы северной и южной части Дагестана представлены исключительно погребениями V-VIII вв. Таким образом, не исключено, что как и в случае с подкурганными катакомбами, за хронологическими изменениями в погребальном обряде будут стоять локальные особенности каждой из выделенных групп.

Рассмотрим поэтапную картину существования катакомбных погребений на Северном Кавказе.

Как видно из приведенной карты, в **первый период (III-IV вв.) (рис. 7)** основной ареал распространения катакомб находится в Центральном Предкавказье, в степной части Северной Осетии (группа 5) и на Среднем Тереке (группа 8); встречаются также катакомбы этого периода в Прикаспийском Дагестане (группа 11), на западе Краснодарского края и в Карачаево-Черкесии (группа 2), в Кисловодской котловине (группа 3), на западе и востоке Северной Осетии (группы 6 и 7). Основная масса захоронений этого периода является подкурганными.

Так, **группа 5 (степная часть Северной Осетии)** представлена тремя подкурганными могильниками - Виноградное, Братское и Октябрьское. Группа очень компактна по дате (III-IV вв.), могильники весьма похожи по погребальному обряду, что уже отмечалось исследователями (*Габуев, 1985, с. 203*). **Группа 7 (западная Осетия - Ингушетия)** включает 45 подкурганных катакомб в могильнике Беслан и 4 в могильнике Экажево-1. **Группа 8 (центральная Чечня)** представлена 28 подкурганными катакомбами из трех могильников: Алды, Алхан-кала и Воздвиженский. Все они, как и катакомбы группы 5, относятся к III-IV вв. и несколько различаются по размерам погребальных сооружений. Кроме того, имеются грунтовые захоронения могильника Чернореченский, относящиеся к этой территориальной группе и близкие по погребальному обряду к подкурганным катакомбам. Захоронения данной территориальной группы имеют общие черты с погребальным обрядом группы катакомб степной части Осетии. В **Приморском Дагестане (группа 11)** в первый период имеются сведения лишь об одной подкурганной катакомбе могильника Кухмазкунт.

В западной части Северного Кавказа в III-IV вв. н.э. исследованы грунтовые погребения, в основном находящиеся на территории более поздних могильников. Это около 10 катакомб могильников Мостовой, Хумаринский и Байтал-Чапкан (**группа 2**) и около 30 катакомб могильников **Кисловодской котловины (группа 3)**. Для них характерно расположение осей дромоса и камеры перпендикулярно, наличие двухкамерных погребений, преобладают одиночные захоронения, хотя встречаются парные и коллективные. Кроме этого, грунтовые катакомбы первого периода встречаются на территории **Западной Осетии (группа 6)** в могильнике Хазнидон.

Катакомб IV-V вв. (рис. 8) существенно меньше, что может быть связано с сокращением населения в результате гуннского нашествия. Однако, выделение древностей этого периода осложнено отсутствием четкой хронологической схемы на рассматриваемой территории. В данном случае принимались имеющиеся в литературе датировки авторов раскопок. Этим обусловлен тот факт, что основной ареал распространения катакомб IV-V вв. лежит в **Прикаспийском Дагестане (группа 11)** и в **западной части Осетии (группа 7)**. Захоронения этого времени в Прикаспийском Дагестане подкурганные. Это многочисленные катакомбы обширного Паласа-сыртского могильника, а также нескольких других. В целом могильники образуют очень компактную группу, характеризующуюся сходным между собой погребальным

обрядом. В отличие от подкурганых катакомб других регионов, они имеют особенности погребального обряда в сочетании со своеобразием материальной культуры. Это позволило исследовательнице катакомбных захоронений данного региона Л.Б. Гмыре отнести погребальные памятники Прикаспийского Дагестана к гуннскому этносу. Другими исследователями (В.Г. Котовичем, В.А. Кузнецовым) они характеризовались как погребения близких к аланам ираноязычных племен маскутов.

Небольшое количество катакомбных погребений этого периода **группы 7** относится к могильнику Брут в северо-восточной части Северной Осетии. Характерной особенностью этого могильника, как отмечалось исследователем его М.П. Абрамовой, является сочетание расположенных рядом и синхронных по времени подкурганых и грунтовых захоронений, что объяснялось причинами социального характера (Абрамова, 1975).

Наибольшее количество катакомб относится к **V-VIII вв.** На представленной карте (**рис. 9**) видно, что основной центр распространения их находится в районе групп 2 и 3 (Карачаево-Черкесия и Кисловодская котловина), большое количество располагается на западе Осетии и севере Кабардино-Балкарии (группа 6), в центральной и восточной Чечне (группы 8 и 9). Встречаются катакомбы этой группы в северной (группа 10) и южной части Дагестана (группа 11). Подавляющее большинство катакомб этого периода грунтовые, хотя в группах 9 и 10 среди грунтовых катакомб есть и подкурганые.

Если говорить в целом о параметрических характеристиках грунтовых катакомб этого периода и следующего (VIII-IX вв.), следует отметить, что по сравнению с предыдущими двумя периодами, у катакомб V-IX вв. отличается по размерам дромос - он становится в среднем более длинный и узкий. Преобладающей формой камеры становится овал, тогда как в предыдущее время был высок процент прямоугольных камер. Если в III-V вв. преобладали катакомбы с одиночными погребениями (53,1 и 60 %), а парные составляли 16,3 и 20 % катакомб, то в последующую эпоху количество парных захоронений увеличивается почти вдвое (около 30 % в каждый период), при доминировании одиночных (42 и 50,5 %). Коллективные захоронения от 3 до 7 человек встречаются во всех периодах и, видимо, наличие их следует объяснять экстраординарными обстоятельствами.

Говоря о локальных группах катакомб V-VIII вв., следует отметить, что в **Карачаево-Черкесии (группа 2)** продолжают существовать могильники Хумаринский и Байтал-Чапкан, катакомбы которых представляют собой ставший классическим тип погребения с перпендикулярно расположенной к дромосу овальной камерой, заложеной плитой, в которой помещены погребенные, лежащие на спине или скорченно на левом или правом боку. Покойных в могильнике Байтал-Чапкан укладывали головой влево от входа, в Хумаринском могильнике - как влево, так и вправо (соответственно 10 и 4 случая).

Исключительно насыщенным грунтовыми катакомбными захоронениями в этот период представляется район **Кисловодской котловины (группа 3)**. На этой территории обнаружено более 30 могильников V-VIII вв. с очень сходными по размерам и обряду погребениями. Кроме того, что могильники сходны между собой, они имеют некоторые отличия в обряде от синхронных захоронений других территорий. Так, только в Кисловодской котловине на территории нескольких памятников отмечены каменные оградки на поверхности, окружавшие по периметру дромосы катакомб. Характерно, что это является, по-видимому, определенным маркером захоронений высокого социального ранга (катакомбы 113 могильника Мокрая Балка 1, катакомба Острый мыс 2, 5 катакомб могильника Директорская горка). Интересной особенностью данного региона является наличие углублений в полу камеры под входом. За пределами

Кисловодской котловины подобный конструктивный элемент встречен на близком могильнике Байтал-Чапкан (Карачаево-Черкесия) и в 2 случаях на востоке Северной Осетии. Кроме того, только катакомбные погребения Кисловодской котловины и Карачаево-Черкесии содержали находки так называемого смоловидного вещества (мумие ? сырец опиума ?) и клепаных бронзовых котлов.

В более восточных территориях катакомбные захоронения V-VIII вв. обнаружены в западной части Осетии и на северо-востоке Кабардино-Балкарии (**группа 6**). Они сходны по обряду погребения с рассмотренными выше катакомбами Кисловодской котловины. В восточных районах Северной Осетии и в Ингушетии (**группа 7**) располагалось 14 погребений рассматриваемого периода, большинство могильников этой группы относится к более позднему времени. То же самое касается и захоронений этого времени среди могильников Центральной (**группа 8**) и Восточной (**группа 9**) Чечни. Причем, в последней группе наряду с немногочисленными грунтовыми катакомбами присутствовали и подкурганные погребения. В группу подкурганных катакомб восточной Чечни входит всего один памятник - могильник Аллерой. В отличие от рассматриваемых выше подкурганных захоронений, он относится к более позднему периоду (VII- начало VIII вв.) и отличается как по размерам погребальных сооружений, так и по конструктивным их элементам. Присутствие на данной территории единственного подкурганного катакомбного могильника при абсолютном господстве грунтовых катакомб (90,7 %) наводило исследователей на мысль о том, что сооружение курганов над насыпью в этот период связано с более высоким социальным рангом данных погребений (*Мамаев, 1986*). Это сближает погребальный обряд катакомбного могильника Аллерой с погребениями близлежащего синхронного подкурганного могильника, относящегося к **группе 10** - Верхнего Чир-Юрта. Данная группа катакомбных погребений северной части Дагестана включает в себя 64 подкурганные катакомбы из трех памятников. Большинство из них относятся к упомянутому могильнику Верхний Чир-Юрт. В целом, характеризуя данный могильник, автор раскопок его М.Г. Магомедов отмечал несомненный социальный характер подобных сооружений в период VII - начала VIII вв. при наличии вблизи грунтовых катакомбных захоронений. Отличия данных катакомб по погребальному обряду позволили ему предположить о принадлежности населения, оставившего могильник Верхний Чир-Юрт, к хазарскому этносу.

Кроме подкурганного могильника Верхний Чир-Юрт рядом расположены несколько грунтовых катакомбных могильников того же времени. Один из них - могильник Верхний Чир-Юрт 2 - являлся уникальным для всей территории Северного Кавказа детским некрополем.

Самым восточным катакомбным могильником V-VIII вв. является Таргунский грунтовый могильник в Приморском Дагестане. Он сближается с грунтовыми погребениями северной части Дагестана по конструктивным особенностям погребальных сооружений, например, по параллельному соотношению осей дромоса и камеры.

Наконец, основные ареалы распространения катакомб последнего хронологического периода (**VIII-IX вв.**) (**рис. 10**) располагаются на Средней Кубани (группа 1), в центральной части Кабардино-Балкарии (группа 4), западной Осетии (группа 7), в центральной и восточной Чечне (группы 8 и 9). Как уже отмечалось, все они относятся к грунтовым. Очевидно, что ареал распространения катакомбного обряда погребения резко сокращается до районов Центрального Кавказа, причем более южных по сравнению с предыдущим периодом, хотя и продолжают существовать могильники на востоке Северной Осетии и в центральной и восточной Чечне (*Ковалевская, 1987, с. 232*); появляется новый пункт на карте - район современного Краснодара. Исчезают катакомбные могильники в Кисловодской котловине

и Карачаево-Черкесии. Быть может за этим исчезновением кроются те регионы Северного Кавказа, из которых произошла миграция племен - носителей катакомбного обряда погребения - в бассейн Среднего Дона, что и послужило основой формирования там катакомбного обряда погребений в рамках салтово-маяцкой культуры. Такую точку зрения высказывали в своих работах В.А. Кузнецов и Г.Е. Афанасьев.

Выделенная первая группа памятников периода VIII-IX вв. включает в себя два могильника в районе **Краснодара (группа 1)** и все найденные захоронения на территории юго-восточной части **Кабардино-Балкарии (группа 4)**. Среди катакомбных могильников **группы 6** к рассматриваемому периоду относится большинство захоронений могильника Архон, особенностью которого является уникальная сохранность органических материалов. Там были найдены многочисленные предметы из дерева, остатки одежды и шелковых тканей, сопутствующей пищи, что нашло отражение в многочисленных исследованиях.

Как уже отмечалось, в восточной части Северной Осетии и в Ингушетии (**группа 7**) преобладали катакомбы VIII-IX вв. Было исследовано более 120 захоронений из 15 могильников. Характерно наличие общих черт в погребальном обряде. Близкими по этим особенностям погребального обряда являются катакомбные захоронения центральной части Чечни (**группа 8**). От них отличаются катакомбные захоронения VIII-IX вв. в восточных районах Чечни (**группа 9**). В более восточных регионах в четвертый период катакомбных захоронений не обнаружено.

Такова краткая характеристика катакомбного обряда погребения со второй половины III по начало X века в различных регионах Северного Кавказа.

Некоторое подтверждение выделению исследователями крупных западного и восточного локальных вариантов катакомбного обряда погребения, о чем говорилось выше, можно найти в распределении ряда признаков грунтовых могильников. Суммируя данные о расположении погребенных головой влево и вправо от входа, были построены ареальные карты на основании частотных распределений. Любопытно, что положение погребенного головой влево характерно, как видно из карты на **рис. 11**, в меньшей степени для района Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Западной Осетии, и в большей для Кисловодска, Восточной Чечни и Северного Дагестана. Положение погребенных головой вправо от входа в целом менее распространено, однако ареал распределения показывает, что подобное положение характерно для районов Краснодара, Восточной Осетии, Ингушетии и Центральной Чечни (**рис. 12**).

Любопытно проиллюстрировать распространение монет в катакомбных погребениях. Отобрав данные по 98 монетным находкам и рассчитав распределение их по группам, я построил три карты, отображающие частотные характеристики встречаемости византийских, сасанидских и арабских монет в катакомбах выделенных групп. Исследователями неоднократно отмечалось преобладание византийских монет в западной локальной группе памятников аланской культуры и восточных монет (сасанидских и арабских) - в восточной (*Ковалевская, 1987, с. 269-271*). Как видно из построенной ареальной карты (**рис. 13**), находки византийских монет происходят из двух центров. Первый лежит в районе памятников Кабардино-Балкарии и Кисловодской котловины, а второй - в северной дагестанской группе (могильник Верхний Чир-Юрт курганный). Монеты Сасанидского Ирана (**рис. 14**) также имеют два центра распространения на Кавказе. В большей степени они встречаются в районах Восточной Осетии и Центральной Чечни, в меньшей - в Кисловодской котловине. Выводы об исключительном бытовании арабских монет в центральных и восточных районах Северного Кавказа неплохо иллюстрируют карты на **рис. 15**. Налицо доминирование подобных находок в районе групп памятников Восточной Осетии - Ингушетии и Центральной Чечни.

Таким образом, полученное разбиение катакомб на локальные варианты отражает общее деление культуры носителей катакомбного обряда погребения на два основных массива (*Кузнецов, 1973, с. 72*) и связаны, по-видимому, кроме изменчивости погребального обряда во времени, с некими родо-племенными образованиями, занимавшими разные регионы Северного Кавказа и в силу различных причин несколько отличавшимися друг от друга.

Изучение семейных структур северокавказских алан

Следующий раздел работы посвящен рассмотрению вопроса о том, существовал ли «стандарт» для строительства катакомбного погребения могильника. Рассмотрение этого вопроса необходимо для проведения социальных реконструкций на материалах катакомбных погребений, так как он напрямую связан с количеством трудозатрат, направленных на захоронение индивидуума в катакомбе. Попытка выделения стандарта для определенного количества погребенных в усыпальнице проводилась Г.Е. Афанасьевым на материалах Мокрой Балки I. Автор пришел к выводу, что катакомбы строились как индивидуальные семейные усыпальницы малой семьи, т.е. рассчитывались на 1 или 2 человек. Погребения в них 3-4 человек случайность, их значительно меньше на могильнике (Афанасьев, 1978, с. 8). С.Н. Савенко в 1984 году опубликовал работу, в которой пришел к аналогичным выводам (Савенко, 1984, с. 64). В более поздней работе он использует интересный метод вычисления условной площади камеры (длина камеры умноженная на ширину ее) в расчете на одного погребенного в ней человека. Установленная им минимальная рациональная площадь, необходимая для одного погребенного, колеблется в интервале 0,74-0,86 м² для вытянутого покойного и 0,8-0,88 м² для скорченного (Савенко, 1989, с. 12). Отталкиваясь от этих положений, я приступил к изучению взаимосвязей размеров камеры катакомбы и количества и половозрастного состава погребенных в ней людей, характерных для разных эпох и регионов Северного Кавказа. Анализ проводился для подкурганых и грунтовых катакомб по четырем хронологическим периодам и выделенным выше территориальным группам.

Основные выводы, которые представляется возможным сделать по результатам проведенного анализа погребальных сооружений Северного Кавказа, заключаются в следующем:

Существует серьезное различие в подкурганых и грунтовых захоронениях **первого хронологического этапа (III-IV вв.)** по площади камеры и количеству погребенных: подавляющее большинство захоронений в подкурганых катакомбах в это время совершено в индивидуальном порядке в очень больших по размеру усыпальницах. Погребенные в них, в тех случаях, когда имеется информация, укладывались по центру камеры, имевшей «избыточную» площадь, превышавшую рационально необходимый минимум для погребения, вычисленный С.Н. Савенко (0,74-0,88 м²) в 3-7 раз. Подобный обряд погребения в усыпальнице, предназначенной для индивидуального захоронения и сопровождавшейся весьма большими трудозатратами, на мой взгляд, безусловно носит социальный характер. Следует предположить высокий социальный статус погребенных, захороненных в подкурганых катакомбах, и остается лишь сожалеть, что большинство этих погребений ограблено.

В отличие от подкурганых погребений, одновременные им грунтовые захоронения выглядят значительно скромнее по размерам усыпальниц. Камеры, рассчитанные на одного погребенного, имели в большинстве случаев небольшие размеры (1,0-1,5 м²), иногда прослеживается оставленное для дополнительного погребения место в одиночных усыпальницах большей площади, когда тело погребенного укладывалось не в центре камеры, а ближе к входу или к задней стенке. Коллективные захоронения совершены в камерах, также рассчитанных на двоих погребенных, поэтому площадь камеры, приходящаяся на одно погребение, существенно меньше необходимого минимума (0,31-0,56 м²).

Во второй хронологический период (IV-V вв.) большинство данных относится к могильникам Прикаспийского Дагестана, имеющим ряд особенностей погребального обряда, отличающих их от остальных катакомбных могильников Северного Кавказа. В отличие от грунтовых катакомб, они в большинстве содержали одиночные захоронения, совершенные в небольших по сравнению с более ранними подкурганными могильниками камерах площадью около 2,0 м². Одиночные погребения детей совершались в маленьких по размерам камерах площадью менее 1,0 м². Несколько меньшая норма площади камеры в усыпальницах с парными погребениями взрослых и детей, чем в камерах с двумя взрослыми.

Наибольшее количество информации относится к захоронениям V-VIII вв. При этом, подкурганные погребения данного периода, найденные в восточных регионах Чечни, по размерам камеры и количеству погребенных сопоставимы с одновременными грунтовыми захоронениями, отличаясь от подкурганных усыпальниц предыдущего периода. Гораздо больше сходства с последними проявляют погребальные сооружения курганного могильника Верхний Чир-Юрт, что обусловлено, видимо, высоким социальным статусом погребенных в нем людей.

Грунтовые катакомбы большинства регионов Северного Кавказа в данный период имеют приблизительно равные размеры и камеры и содержат примерно в равной степени одиночные и парные захоронения. Наиболее подробный анализ катакомб Кисловодской котловины позволяет предположить, что большинство катакомб в данное время предназначалось для парного захоронения. Часть одиночных усыпальниц имело «избыточную» площадь, которая могла использоваться для подзахоронения. Дополнительным аргументом в пользу этого говорит тот факт, что более трети одиночных погребенных располагались не по центру камеры, а возле задней стенки или у входа в нее. Конечно, нельзя исключать, что большая площадь камеры в катакомбе с одиночным погребенным отражает более высокий социальный статус его, подчеркнутый в больших трудозатратах, связанных со строительством погребального сооружения. Об этом речь пойдет в следующем разделе.

Часть одиночных погребений детей совершено в маленьких по размерам камерах, специально предназначенных для одиночного детского погребения. Однако, небольшая группа детей хоронилась в усыпальницах, аналогичных по своим размерам погребальным сооружениям взрослых. Отсутствие детальных антропологических определений не позволяет дать четкой интерпретации этому факту. Мы можем лишь предположить, что за этим стоят разные возрастные группы детей/подростков, что получило свое отражение в погребальном обряде.

Большинство парных захоронений Кисловодской котловины представлено сочетаниями мужчины и женщины; случаев парного погребения мужчин нет, женщин - единичны. Этот факт говорит о том, что устройство погребальных усыпальниц предназначалось, видимо, для членов нуклеарной (малой) семьи. Разумеется, мы не можем проследить степень их родства без использования специальных антропологических методик, появившихся в последнее время (*Richards et al., 1993*). Известно, что имеются этнографические данные, когда женщины погребаются не вместе со своими мужьями или детьми, а на семейном кладбище своих родителей, зачастую расположенном вдалеке от проживания их мужей (как, например, среди одного из нубийских племен - месакинов - проживающих на юге Судана; см. *Hodder, 1980, p. 165*). Однако, подобные примеры далеки от данных кавказской этнографии. Нам представляется маловероятным родственная связь погребенных в усыпальнице мужчины и женщины как отца и дочери - скорее всего это были муж и жена. Остается открытым вопрос, была ли это «прижизненная» или «посмертная» жена, т.е. специально погребенная с мужчиной наложница или представительница социальных низов, умерщвленная при совершении обряда погребения (*Плетнева, 1967, с. 79; 1989, с. 206*).

В данном случае доказательствами или опровержениями обеих этих гипотез мы не обладаем из-за качества исходной информации.

Коллективные захоронения в большинстве случаев совершены в камерах, обладающих достаточной площадью для их совершения - на каждого погребенного приходится около $1,0 \text{ м}^2$ - т.е. усыпальница сооружалась для того числа усопших, которое в ней располагалось. Существуют случаи, когда норма площади на одного погребенного в коллективных усыпальницах меньше необходимого для погребения минимума. Тогда мы можем предположить, что в камеру, предназначенную для меньшего количества покойных, было захоронено больше людей. Следует отметить, что в случае погребений взрослых с двумя детьми норма площади на погребенного была меньше обычной, т.е. в некоторых случаях погребения детей оказываются «лишними», при устройстве катакомбы строители не рассчитывали на дополнительные захоронения в ней.

Сделанные выше выводы относительно погребений V-VIII вв. с территории Кисловодской котловины в целом справедливы и для катакомбных захоронений более восточных территорий, относящихся к **четвертому хронологическому периоду (VIII-IX вв.)**. По-прежнему, усыпальницы с одиночными погребениями обладают «избыточной» площадью, с парными - имеют приблизительно близкую к необходимому минимуму, с коллективными - близкую или меньшую площадь на одного погребенного. В качестве отличия следует подчеркнуть, что если в Кисловодской котловине норма площади камеры на погребенного, по-видимому, составляла $1,0-1,4 \text{ м}^2$, то среди могильников группы 7 (восточная Осетия - Ингушетия) и группы 8 (центральная Чечня) этот показатель колеблется в интервале $1,5-2,0 \text{ м}^2$. В целом, погребения в этот период совершаются в более просторных камерах, чем в более раннее время в Кисловодской котловине.

Исследование социальной стратификации северокавказских алан.

После выделения территориальных групп катакомбных могильников и изучения семейных структур, отраженных в погребальном обряде, я приступил к исследованию социальной стратификации северокавказских алан IV-VIII вв. Алгоритм социальной реконструкции древних обществ по археологическим данным неоднократно излагался в литературе. Суть его в первоначальном выделении половозрастных групп и исследовании структуры общества внутри каждой группы (мужчины, женщины, дети). Применялась методика, разработанная Г.Е. Афанасьевым при исследовании им аланских катакомбных погребений салтово-маяцкой культуры (*Афанасьев, 1993*). При работе учитывались современные разработки постпроцессуальной школы, разработавшей контекстный подход к изучению древностей и утверждающей приоритет символического характера погребального обряда, что подталкивает исследователей к определенной осторожности в интерпретации (*Hörke, 1990, 1992, 1994; Hodder, 1986; Pader, 1980, 1982*).

1. Катакомбные погребения III-IV вв.

В исследуемой выборке 39 погребений относится к первому хронологическому периоду, из которых большинство происходит с территории Кисловодской котловины (25 погребений). По три погребения располагаются в Карачаево-Черкессии, восточной и западной Осетии и пять - в центральной Чечне. Очевидно, что данных для анализа этих территорий явно недостаточно.

Изучение мужского и женского наборов инвентаря на материалах из могильников Клинь-Яр 3 и Мокрая Балка 1 позволяет отнести к мужским 11 и к женским 10 погребений. Мужские погребения III-IV вв. изучались методом кластерного анализа. В анализе использовались такие признаки, как наличие или отсутствие конского снаряжения, меча, ножа, пряжки, костей мелкого рогатого скота, кувшина и миски в камере. В результате группировка мужских катакомб была разделена на две большие группы (**рис. 16**).

Группа I делится на две подгруппы:

IA включает в себя кат. 6 и 122/2 погр. 2 могильника Клинь-Яр 3, инвентарь которых характеризуется наличием конского снаряжения, меча, ножа, пряжки, кувшина и миски.

IB (погребения 361, 378, 387 из Клинь-Яра 3) - помимо вышеперечисленных предметов в них находилась ритуальная пища - ребра мелкого рогатого скота.

Группа II также делится на две подгруппы:

IIA (365, 383 Клинь-Яра и 12/2 Мокрой Балки) - с мечом, пряжкой и ножом в составе инвентаря.

IIB (47/2, 122/2 погр. 1, 386/1) - с пряжкой, кувшином и миской в составе погребального инвентаря.

Таким образом, налицо деление мужских погребений III-IV вв. в зависимости от комплексности представленного инвентаря в погребении. Характерно, что предметы вооружения и конского снаряжения в составе мужского набора инвентаря встречаются соответственно в 36 и 27 % случаев. Интересным наблюдением является сочетание жертвенной пищи (кости овцы/козы) с погребениями группы I, что может являться дополнительным аргументом в пользу их более высокого статуса.

Подобным же образом проводился анализ женских погребений III-IV вв. Кисловодской котловины. Кластерный анализ позволяет выделить три группы погребений (рис. 17):

Группа I (погр. 5/2 могильника Высокогорный 1, 379 и 386 Клинь-Яра 3). Погребальный инвентарь представлен кружкой и ножницами для стрижки овец.

Группа II (кат. 12/1 могильника Мокрая Балка I и 361а могильника Клинь-Яр 3). Наиболее представительны инвентарь погребений этой группы: в его состав входят зеркала, накладки на груди, кружки в сочетании с фибулами, бусинами и серьгами.

Группа III объединяет остальные женские погребения выборки (2, 7/1, 7/2 и 7/3, 47/1 могильника Клинь-Яр 3), в которых найдены бусины и зеркала в сочетании с серьгами.

Очевидно, что женские погребения имеют свою иерархию по представительности состава инвентаря в целом, но специфические наборы, характерные для разных групп женских погребений, не выделяются.

Сочетание мужчин и женщин в катакомбах с парными погребениями и в двухкамерных катакомбах с общим дромосом показало, что погребенные мужчина и женщина в соседних камерах кат. 361 относятся по инвентарю к более высокому рангу, тогда как мужчины с менее представительным инвентарем встречаются в сочетаниях с женскими погребениями также менее представительными по инвентарю. Однако, данных для каких-либо обоснованных выводов недостаточно.

2. Катакомбные погребения IV-V вв.

Представлены на единственном включенном в исследование памятнике - могильнике Паласа-сырт в Прикаспийском Дагестане. Следует заранее оговориться, что в данном случае принята датировка погребений автора раскопок - Л.Б. Гмыри - которая считает, как уже упоминалось выше, что данный могильник оставлен племенами гуннского круга, а не аланами (*Гмыря, 1993, с. 225-228*). Поскольку существует мнение об аланской принадлежности данного памятника и за неимением других погребений этого периода, могильник Паласа-сырт рассматривается в нашем исследовании с учетом некоторой условности использования данных материалов.

Подкуранный могильник Паласа-сырт, расположенный в Приморском Дагестане, выделяется из круга памятников катакомбного типа по наличию большого количества катакомб с параллельным расположением дромоса и камеры, преобладанием одиночных захоронений и другими деталями погребального обряда. Помимо 58 катакомб, на могильнике раскопано 12 подбоев, 6 ям и 14 погребальных сооружений неопределяемого типа (*Гмыря, 1993, с. 158*), не включенные в данное исследование.

В работе использовалось 47 погребений могильника. К сожалению, определено по полу лишь 10 погребений мужчин и 8 погребений женщин. Однако, имеются сведения о 38 погребениях взрослых индивидуумов и 6 погребениях детей. Поэтому представляется интересным проследить различия в погребальном обряде, характерные для катакомбных погребений взрослой и детской части населения. Анализ показал, что детские погребения сопровождалось относительно малым количеством инвентаря, в отличие от взрослых. У них встречались предметы вооружения, ножи, пряжки, бусы, серьги, туалетные принадлежности (копоушки, ногтечистки, ложечки, кисточки и зеркала). Однако, самой многочисленной категорией погребального инвентаря является керамика (кувшины, кружки и горшки).

Проведенное сравнение мужских и женских погребений показало существенные различия в погребальном инвентаре. Характерно, что мужской набор инвентаря относительно беден. К нему относятся лишь ножи, пряжки, обнаруженные, в отличие от женских погребений, исключительно на поясе погребенных, встречены серьги на черепе или на поясе, остатки одежды, раковина каури у головы. Характерно, что в мужских погребениях найденные кувшины, горшки и деревянные сосуды располагались только у головы погребенных. К женскому набору инвентаря относятся найденный в единичном случае наконечник стрелы на поясе; обнаруженные в женских погребениях ножи, в отличие от мужских, находились у правой руки, у головы или у задней стенки камеры, но не на поясе. Пряжки помимо пояса могли быть расположены на плечах или на груди погребенной, составляя, видимо, специфически женский элемент погребального костюма. В состав женского костюма входили фибулы на груди или на поясе, бусы на шее/груди или на поясе, броши на груди, перстни на руках, туалетные наборы на поясе. Все эти предметы не встречены в мужских погребениях. Кроме этого, женские погребения сопровождала керамика (кувшины, кружки и горшки), располагавшиеся в головах погребенных. В единичных случаях встречены кости птицы в сосуде и раковина каури у пояса.

Группировка мужских погребений могильника Паласа-сырт после корректировки с учетом характерных для мужского набора инвентаря признаков, включает в себя 12 погребений. Представляется возможным разделить их на 3 группы методом кластерного анализа (**рис. 18**).

Группа I состоит из единственного наиболее представительного по инвентарю погребения 3 раскопок Н.О. Цилоссани, инвентарь которого составляют кинжал, колчан со стрелами, поясная пряжка и керамика. Группа II объединяет погребения, инвентарь которых состоит из ножа и пряжки в сочетании с керамикой (кат. F раскопок Н.О. Цилоссани, 1/1 В.Г. Котовича, 7, 10/1, 11/2, 12, 38 раскопок Л.Б. Гмыри). Группа III - погребения безынвентарные и малоинвентарные, хотя в них встречаются керамика, деревянные сосуды, в единственном случае зафиксирован кинжал (кат. G, I, 6 раскопок Н.О. Цилоссани, 2/1 В.Г. Котовича). Очевидно, что мужские погребения данного могильника не дают четкого представления об иерархии индивидуумов по наборам инвентаря.

Рассмотрим группировку женских погребений. На **рис. 19** представлены результаты кластерного анализа 11 захоронений женщин. Их также можно разделить на три группы.

Группа I отличается наибольшей представительностью погребального инвентаря. Он состоит из пряжек на плечах, фибул, бусин, серег, туалетных наборов, зеркал, накладок на одежде, раковин каури и керамики (погр. 2/2 раскопок В.Г. Котовича, 20 и 55 Л.Б. Гмыри). Группа II объединяет безынвентарные и малоинвентарные погребения с фибулами, бусами, серьгами (1/2, 3/1, 3/2 раскопок В.Г. Котовича, 11/1 и 54 Л.Б. Гмыри). Наконец, группа III включает в себя погребения с ножами, бусами, серьгами, перстнями, зеркалами и керамикой (курганы J, L и курган ген.-лейт. А.В. Комарова раскопок Н.О. Цилоссани).

Таким образом, полученная группировка не позволяет четко выделить специфические для разных рангов женщин наборы погребального инвентаря. Характерно, что наибольшей представительностью отличается погребение женщины с полным туалетным набором на поясе (копоушка, ногтечистка, ложечка и кисточка).

Очевидная «бедность» погребального инвентаря могильника Паласа-сырт не дает возможности делить ни мужские, ни женские погребения на какие-либо ранги. Остается открытым вопрос, в чем кроется причина этого явления - в этническом отличии погребенных в могильниках Прикаспийского Дагестана IV-V вв. или в изменении экономической или политической ситуации в данном регионе в результате гуннского нашествия.

3. Катакомбные погребения V-VIII вв.

К данному периоду относится подавляющее большинство погребений, рассматриваемых в работе. В западной части Северного Кавказа, на территории Карачаево-Черкессии, расположены два могильника, часть погребений которых относится к рассматриваемому периоду - Хумаринский и Байтал-Чапкан. В **могильнике Хумаринский** имеется всего 14 ненарушенных погребений, что явно недостаточно для анализа.

Байтал-Чапкан. Из близлежащих к Кисловодской котловине могильников наиболее сходным по некоторым чертам погребального обряда является могильник Байтал-Чапкан. Он исследовался в течение нескольких полевых сезонов Т.М. Минаевой. В результате ее раскопок было вскрыто 34 катакомбы, содержащие 6 захоронений мужчин и столько же женщин. Остальные погребенные относятся к детскому возрасту либо не определены по половой принадлежности. В могильнике Байтал-Чапкан наблюдается достаточно устойчивое деление погребального инвентаря на мужской и женский наборы. В результате анализа инвентаря к мужской группе погребений можно отнести девять комплексов, которые делятся на 3 группы (**рис. 20**). К первой группе относятся мужчины из катакомб 6, 17, 19 и 34. Для всех этих погребений характерно наличие кружки в камере, погребенного иногда сопровождают нож, пряжка, обувь и кости козы/овцы. Группа II представлена единственной наиболее богатой катакомбой 29 (предметы конской упряжи, пряжка, нож, шило, кости козы/овцы, керамика и бронзовый котел в камере). Наконец, в группу III объединены погребения с ножами и мисками в сочетании с пряжками, кувшинами и кружками, костями козы/овцы в качестве напутственной пищи (погребения 14/2, 23 и 30). В целом следует отметить однородность наборов инвентаря в мужских погребениях.

Женские погребения поделены на две группы (**рис. 21**). К первой относится погребение с полным набором женского инвентаря из кат. 24 (нож, фибула, брошь, 11 бусин, браслеты, перстень, туалетные принадлежности, зеркало, кувшинчик, кружка и кости мелкого рогатого скота). Во вторую группу объединены погребения, для которых характерно присутствие кувшина, кружки и бус, но встречается и остальной инвентарь (кат. 9, 14/1, 18, 21, 32). Таким образом, проведенный анализ могильника Байтал-Чапкан позволяет подтвердить выводы Т.М. Минаевой об однородности оставившего его населения (*Минаева, 1956, с. 258-261*).

Могильники Кисловодской котловины. Наибольшее число погребений, относящихся к рассматриваемому периоду, происходит с территории Кисловодской котловины. В этом регионе обнаружено более 300 погребений V-VIII вв., поэтому данный массив требует особого рассмотрения. Кроме того, могильники котловины имеют весьма сходные черты погребального обряда (*Коробов, 1998, с. 261-262*). Поэтому анализ проводился по двум направлениям: сравнивались и группировались погребения мужчин и женщин в рамках совокупности всех известных погребений рассматриваемого периода, а затем для чистоты эксперимента были отдельно проанализированы наиболее крупные могильники региона - Мокрая Балка I и Клинь-Яр III. Затем для проверки сделанных выводов был проведен анализ погребений региона, разбитых на более узкие хронологические периоды.

Для выделения наборов погребального инвентаря было отобрано 56 погребений мужчин и 70 погребений женщин из катакомб с одиночными или парными захоронениями. Коллективные захоронения были исключены из анализа во избежании ошибок. Выяснилось, что для погребений мужчин характерно наличие конского снаряжения, оружия, специфически мужских амулетов и бронзовых котлов в дромосе или камере. Некоторые категории инвентаря, присутствуя в мужских и женских погребениях, имеют несколько разное расположение. Находки фибул, бусин, браслетов, серег, зеркал большого и малого диаметров, монет менее характерны для мужских погребений, тогда как ножи, поясные и обувные пряжки и накладки встречаются у мужчин несколько чаще. Специфически женский набор инвентаря составили, как и в вышеуказанных могильниках, предметы туалета, матерчатые сумочки, содержавшие разнообразные предметы (бусы, фибулы, туалетные принадлежности, монеты), туалетные коробочки, амулеты в виде раковин каури, гальки, каменных шариков, птиц, колеса или кольца с наплывами. Наблюдаются различия и по позе погребенных. Так, подавляющее большинство мужчин (93 %) погребено в вытянутой позе. Встречено всего 4 скорченных мужских захоронения, что, возможно, объясняется неточностью определений по полу. Среди женских погребений 34 % уложены вытянуто на спине и 66 % - скорченно на левом или правом боку.

После выделения мужского и женского наборов инвентаря, была проведена корректировка данных для неопределенных по полу взрослых погребенных. В результате, мужская выборка расширилась до 74 погребений, женская - до 101 с учетом имеющихся данных из катакомб с одиночными, парными и коллективными захоронениями.

Мужские погребения Кисловодской котловины анализировались при помощи кластерного анализа с использованием взвешенных признаков. Вычисление веса признаков проводилось в рамках анализа социального статуса погребенных, используя пакет статистических программ WinBASP (Bonn Archaeological Statistical Package) путем подсчета среднего количества категорий предметов в погребениях, в которых присутствует взвешиваемая категория. Например, если отобрать все мужские погребения Кисловодской котловины с ножами, то в них в среднем находится 3,69 предмета. Это число и соответствует весу ножа как признака. В погребениях же с бронзовыми котлами, которые встречаются гораздо реже и характеризуют более представительные по составу инвентаря захоронения, среднее количество предметов будет равняться 6,57, т.е. почти в два раза больше, чем в рядовых погребениях с ножом. Таким образом, благодаря более редкой встречаемости, бронзовый котел обладает большим весом в качестве признака для кластерного анализа. Подобные методы вычисления «индекса богатства» погребального инвентаря неоднократно использовались в исследованиях социальной стратификации древних обществ (*Arnold, 1980; Hodson, 1979; Orton, Hodson, 1981; Jürgensen, 1987, 1991*).

В результате представляется возможным выделить четыре группы погребений (рис. 22).

Группа I состоит из 6 погребений (123/3 Мокрой Балки I, 10/1 и 11/1 Лермонтовской Скалы I и 352/1, 357/1 и 360/1 из Клинь-Яра). Во всех этих погребениях присутствовали бронзовые котлы, в 83 % из них сабля или меч, в 67 % - импортные стеклянные сосуды. Для данных погребений характерно наличие конского снаряжения, луков и стрел, ножей, пряжек или поясов. Очевидно, перед нами та часть мужского населения Кисловодской котловины, которая составляла воинскую элиту.

Группа II объединяет 30 погребений мужчин. Это многочисленные погребения могильника Мокрая Балка I (4/2, 13, 24, 25/1, 37, 42, 51/1, 57, 78/2, 80/1, 86/2, 103/3, 124 раскопок А.П. Рунича; 5 и 5/1 Г.Е. Афанасьева), Мокрая Балка II (1/4 и 2/2 Г.Е. Афанасьева), Клин-Яр 3 (5/1 раскопок А.П. Рунича, 22, 28, 32/1 В.С. Флерова, 238/2, 339/1 и 340/2 А.Б. Белинского), а также погребения из могильников Замковый (3), Кисловодское озеро 1 (20), Кугульский 1 (6/1), Мирный 2 (4/1), Бермамытский (3/1) и Лермонтовская Скала 1 (1/1), исследованные А.П. Руничем. Основные категории инвентаря, объединяющие эту группу - это нож и поясная пряжка.

Группа III - 18 погребений из могильников Мокрая Балка I (6/1, 11/2, 19/1, 31/1, 49/1, 68/1, 82/1, 100, 118/2 раскопок А.П. Рунича), Клин-Яр 3 (23/2 и 65/1 В.С. Флерова, 199 и 381/1 А.Б. Белинского), Березовского 2 (3/1), Горного Эха (4/2), Мачты (5/1), Лермонтовской Скалы 1 (1/2) и 2 (12/2). Для погребений этой группы характерно отсутствие инвентаря (44 % погребений безынвентарны), однако, иногда встречаются сабли, кинжалы, пояса и даже бронзовые котлы.

Наконец, к группе IV относится 20 мужских погребений (Мокрая Балка I погр. 1/1, 2, 7, 16, 21/1, 59/2, 74/2, 94/2, 107, 113, 114/1, 125; Клин-Яр 3 - погр. 17, 341/1, 356/1, 363/2; Кисловодское озеро 1 погр. 23/3, Бермамытский погр. 2/1, Лермонтовская Скала 2 погр. 16/2), объединенные в группу благодаря присутствию в большинстве из них поясных наборов в сочетании с другими категориями инвентаря (конского снаряжения, сабель, ножей, монет, сопутствующей пищи).

В целом, следует отметить, что для мужских погребений Кисловодской котловины V-VIII вв. характерно наличие конского снаряжения, найденного в 14 % погребений, наступательного оружия (сабля или меч) - в 16 % погребений. Значительно реже встречаются луки (1%), колчаны (4 %), несколько чаще - наконечники стрел (10% погребений). Наиболее типичной находкой следует считать ножи (64 %), пряжку или пояс (34 и 32 % соответственно). Видимо, элитарные погребения региона отличает наличие бронзовых котлов, встречающихся в 10 % от общего числа погребений. Погребения группы I, характеризующиеся наиболее богатым набором инвентаря, составляют всего 8 % от общего числа рассмотренных мужских погребений. Группы II и IV представляются достаточно однородными, так как различия в присутствии пряжки или поясного набора носят хронологический характер. Группа III, объединяющая наиболее бедные по набору инвентаря погребения (24 %), все же включает в себя захоронения как с оружием, так и с поясами и котлами.

Полученные в результате кластерного анализа группировки проверялись методом корреспондентного анализа. В последнее время этот метод завоевал весьма большую популярность в работах западноевропейских археологов, особенно в Германии и Скандинавии, при исследовании погребального обряда с точек зрения хронологии, социальной стратификации, локальных различий в погребальном обряде и т.д. (*Nielsen, 1991; Theune, 1995; Jensen, Nielsen, 1997; Reinhold, 1997a, 1997b*). Проверка методом корреспондентного анализа (**рис. 23**) подтвердила деление данной выборки мужских погребений на четыре группы.

Рассмотрим группировку женских погребений региона. К рассматриваемому периоду относится 101 погребение женщин, которые представляется возможным разбить также на четыре группы (**рис. 24**).

В группу I вошло 30 женских погребений из могильника Мокрая Балка (19/1 и 2, 30/2, 38/1, 41/1, 43/1, 48, 61/2, 63, 65, 73, 74/1, 77/1, 78/3, 86/1, 97, 103/2, 117/2, 122/2 раскопок А.П. Рунича, 13 - В.Б. Ковалевской), Клин-Яр 3 (65/2 В.С. Флерова), Кугульский 1 (1/2, 4, 6/2, 7/2, 8/1), Лермонтовская Скала 1 (1/2, 2/2) и 2 (5, 16/1), Кисловодского озера 1 (19/2) А.П. Рунича. Для женских погребений этой группы характерно присутствие практически всех категорий погребального инвентаря, за исключением ложечки, смоловидного вещества, раковин каури, сумочки, коробочки, зеркал маленького диаметра. Однако, характеризует эту группу присутствие керамики в 93 % погребений, фибулы (50 %), ножа и бусин (23 %), пряжки (37 %), несколько реже встречаются туалетные кисточки (10 %).

В группу II объединилось 17 погребений женщин (Мокрая Балка I - №№ 18, 20/1, 79, 102, 116/2 раскопок А.П. Рунича, 1/3 Г.Е. Афанасьева; Клин-Яр 3 - №№ 30, 52 В.С. Флерова, 237, 340/3, 356/2, 357/2, 371/1 381/2 А.Б. Белинского; Бермамытский - №№ 1 и 2/2, Кисловодское озеро 1 - № 23/1 А.П. Рунича). Характерно, что почти половина женских погребений группы (7 из 10) происходит из катакомб с одиночными захоронениями. Инвентарь, характерный для погребений этой группы, составляют бусины и керамика (100 %), фибулы и серьги (88 %), ножи и предметы туалета (53 %) в сочетании с другими категориями инвентаря. Отсутствуют пряжки и поясные наборы.

Группа III объединяет 28 женских погребений (Мокрая Балка I - №№ 10, 21/ 2 и 3, 28, 31/2, 45/1, 47/1, 50/2, 59/3, 68/2, 90, 92/ 1 и 2, 124/1 раскопок А.П. Рунича, 4/1, 20 и 21/2 В.Б. Ковалевской, 5/2 Г.Е. Афанасьева), Клин-Яр 3 (5/2 А.П. Рунича, 20 и 29/2 В.С. Флерова, 360/2 и 374 А.Б. Белинского), Клин-Яр 4 (9/2 А.Б. Белинского), Бермамытский (3/2), Острый мыс 1 (4/1), Лермонтовская Скала 2 (13/1 и 18/2) раскопок А.П. Рунича. Для набора инвентаря этой группы характерно присутствие всех категорий инвентаря с преобладанием керамики (96 %), фибул, бусин, браслетов, серег, в половине из погребений найдены амулеты (50 %), часты находки зеркал (43 %).

Наконец, к группе IV относятся 26 женских захоронений (Мокрая Балка I - №№ 1/2, 11/1, 15/2, 29, 49/2, 51/2, 58/2, 77/2, 80/2, 101/2, 104, 115/1 А.П. Рунича и № 24 В.Б. Ковалевской; Мокрая Балка II - №№ 1/2 и 3 и 2/1 Г.Е. Афанасьев; Клин-Яр 3 - №№ 23/3 В.С. Флеров, 339/2 А.Б. Белинский; Клин-Яр 4 - 6/2 и 8/2 А.Б. Белинский; Кисловодское озеро 1 - 19/1; Лермонтовская Скала 2 - №№ 2/1 и 12/1; Горное Эхо - №№ 3/1 и 4/1 А.П. Рунича). Для погребений группы IV характерна меньшая встречаемость керамики (46 %), высокий процент наличия бусин (96 %), часты находки браслетов, серег и амулетов. Корреспондентный анализ продемонстрировал обоснованность подобного разделения (рис. 25).

Таковы итоги деления женских погребений Кисловодской котловины. Очевидно, что для всех погребений характерно присутствие практически всего набора инвентаря. Трудно выделить специфические для каждой группы наборы, как это сделано выше на примере мужских погребений. Несколько отличаются от остальных погребения группы II по частоте встречаемости предметов туалета (более 50 %; в целом по выборке всех женских погребений - 13 %), амулетов и зеркал в группе III (около 50 %; в целом 23-28 %) и амулетов в группе IV (42 %). Для всех женских погребений характерно наличие керамики, бусин и серег; часто встречаются ножи (37 % погребений), нередко находки поясных пряжек (14 %) и поясов (20 %).

Представлялось интересным проверить, как сочетаются мужские погребения с женскими по выделенным группам. Из 34 совместных погребений мужчин и женщин, с первой группой мужчин сочетаются по одному погребению женщин из групп 2 и 3, остальные мужские группы погребений встречаются вместе со всеми женскими. Таким образом, не представляется возможным утверждать, что статус женщины каким-либо образом зависел от статуса погребенного вместе с ней мужчины.

Сделанные выводы проверялись серией аналогичных анализов по более дробным хронологическим группам, а также на материалах могильников Мокрая Балка I и Клинья-Яр 3, как наиболее крупных памятников Кисловодской котловины. В результате подтверждена справедливость сделанных выше выводов.

Перейдем к изучению катакомбных могильников V-VIII вв. с более восточных территорий. К рассматриваемому периоду относятся погребения с территории западной части **Северной Осетии и северо-востока Кабардино-Балкарии (группа 6)**, происходящие из могильников Архон, Нижний Джулат, Хазнидон и Камунта. К сожалению, кроме Архона, мы не имеем достаточного количества данных для анализа этих памятников. В могильнике Архон часть погребений относится к VII-первой половине VIII вв., большинство же датируется более поздним периодом, поэтому данный памятник рассматривается ниже в соответствующем разделе работы. То же относится и к анализу погребений из могильника Чми-Суаргом.

С территории **центральной Чечни (группа 8)** мы располагаем сведениями лишь об одном памятнике с некоторым количеством ненарушенных погребенных - о могильнике Мартан-Чу 2. К сожалению, данных для подробного анализа этого памятника явно недостаточно. Имеются сведения о 10 погребениях, 5 из которых принадлежали взрослым и 5 - детям. Из взрослых погребений 2 погребенных отнесено по полу к мужчинам и 2 - к женщинам.

Восточнее, на территории **группы 9 (восточная Чечня)** располагается один из немногих подкурганых катакомбных могильников этого времени - Аллерой. Катакомбы могильника Аллерой отличаются от более ранних в хронологическом отношении подкурганых погребений меньшими размерами, конструктивными элементами (отсутствие ступенек в дромосе, выраженного лаза в камеру, овальная форма камер). Наличие единственного могильника в данной группе с подкурганым обрядом захоронения при полном преобладании грунтовых захоронений (90,7 %), наводило исследователей на мысль о социальном характере обряда подкурганых захоронений в VII - первой половине VIII вв. н.э. (*Мамаев, 1988, с. 134*).

На территории **северной части Дагестана (группа 10)** располагается интереснейший комплекс памятников рассматриваемого периода - могильники у Верхнего Чир-юрта.

Верхний Чир-юрт. Вокруг селения Верхний Чир-юрт зафиксировано несколько различных по погребальному обряду могильников, в том числе и катакомбных. Весьма интересен подкурганый могильник Верхний Чир-юрт, исследованный М.Г. Магомедовым. Подкурганые катакомбы Верхнего Чир-Юрта имеют существенные отличия от близлежащих памятников. Характеризуя данный могильник, М.Г. Магомедов отмечал, что сооружение подкурганых катакомб в период VII - начала VIII вв. при наличии вблизи грунтовых катакомбных захоронений несомненно имеет социальные причины (*Магомедов, 1983, с. 87-88*). Отличия данных катакомб по погребальному обряду позволили ему предположить о принадлежности населения, оставившего могильник Верхний Чир-Юрт, к хазарскому этносу (*Магомедов, 1983, с. 88-89, 184-185*). Этот тезис, однако, недавно подвергнулся сомнению Г.Е. Афанасьевым, который считает возможным говорить об алано-маскутском или местном происхождении этого могильника (*Афанасьев, 1992, с. 95*).

Рядом с подкурганным могильником располагаются два грунтовых. Об одном из них - Верхнем Чир-Юрте 1- у нас немного данных, относящихся к раскопкам Н.Д. Путинцевой. Из десяти погребений 5 относились к взрослым и 5 к детским, 2 взрослых погребенных определено как женских по полу, мужских погребений нет. Могильник Верхний Чир-юрт 2 отличается преобладанием одиночных захоронений детей в очень маленьких камерах, большинство из которых не содержало инвентаря. В детских погребениях встречались бусины на шее и груди и браслеты на правой руке погребенного. Взрослые погребения также в большинстве своем безынвентарны, лишь некоторые содержали нож и пряжку на поясе, браслеты и перстни на руках, серьги у черепа и кружки справа от входа.

Из взрослых погребений могильника 2 погребенных определены как мужчины, 3 - как женщины. Мужчины были похоронены без сопутствующего инвентаря, в женских погребениях встречены серьги, перстни и пуговицы на груди.

Таким образом, могильник Верхний Чир-юрт 2 представляет собой локальное детское кладбище, на котором погребено некоторое количество взрослых. Судя по отсутствию инвентаря во взрослых погребениях, они, вероятно, принадлежали к бедной, возможно, зависимой части населения, тогда как элитарная часть его была погребена под курганными насыпями с гораздо большими трудозатратами. К сожалению, ни одно подкурганное захоронение не дошло до наших дней в целостности - все они ограблены, что также свидетельствует в пользу высокого социального статуса погребенных там людей. Не вдаваясь в спор об этнической интерпретации населения, оставившего могильники у с. Верхний Чир-юрт, хочется отметить безусловно более высокую степень социальной дифференциации этого населения, по сравнению с могильниками Кисловодской котловины.

Таргунский могильник группы 11 (Приморский Дагестан) является самым восточным катакомбным некрополем рассматриваемого периода. Имеются данные о шести катакомбных погребениях - четырех детских и двух взрослых. Детские погребения также безынвентарны, лишь в одном из них найдено два кувшинчика у головы и у пояса. В парной катакомбе с погребениями двух взрослых, один из которых определен как мужчина, а другая - как женщина - наблюдается стандартное разделение по инвентарю. Мужское погребение сопровождал поясной набор, нож и кувшин у головы, амулет в виде коня на поясе и кувшин у задней стенки камеры. К женскому захоронению относились пряжка и фибула на груди, бусины, браслеты на руках, серьги, зеркало слева от входа, остатки одежды. Затруднено определение местонахождения наконечника стрелы и подпружной пряжки, также непонятно, к кому могли относиться предметы, находящиеся слева от входа в камеру (кинжал, деревянные сосуды и рог).

4. Катакомбные погребения VIII-IX вв.

К заключительному периоду относятся катакомбные могильники, расположенные на территории Краснодарского края (группа 1), Кабардино-Балкарии (группа 4), западной и восточной части Северной Осетии и Ингушетии (группы 6 и 7) и центральной и восточной Чечни (группы 8 и 9).

Могильник у МТФ № 3. Самым западным катакомбным могильником является исследованный В.Н. Каминским могильник у МТФ № 3 в районе современного Краснодара. Он представляет собой локальное включение катакомбных погребений в обширный ямный могильник VIII-IX вв. Небольшое количество раскопанных катакомб не позволяет строить далеко идущих выводов, однако, материалы этого могильника все же были включены в анализ.

Мужской набор инвентаря в могильнике представлен исключительно поясным набором. Все остальные категории, встреченные в процессе раскопок, относились к женским погребениям. Ножи и горшки встречались как в погребениях мужчин, так и женщин.

Мужские погребения МТФ № 3 можно разделить на две группы. В первую входят погр. 2 из кат. 1 и кат. 10, характеризующиеся наличием ножа и пояса. Во вторую попадает единственное погребение 2 из кат. 50, где помимо ножа и пояса зафиксирован топор, обувные накладки, 28 бусин, фибула и серьга и кружка. Однако, количество погребений в данном случае явно недостаточно для каких-либо интерпретаций.

Женские погребения более многочисленны. 7 погребений были объединены в две группы. В первую группу вошли погр. 1 из кат. 1, погр. 2 из кат. 3, 1 и 2 из кат. 19. Для них характерно наличие большого количества бусин (от 146 до 337 шт.), а также ножей, украшений, головных уборов и раковин каури. Вторая группа (погр. 1 из кат. 3, погр. 1 из кат. 50 и кат. 55) представлена менее богатыми погребениями с меньшим количеством бусин (от 8 до 51 шт.), браслетами, пуговицами и горшками. Встречаются керамика и украшения. Как и в вышеупомянутых могильниках, женские погребения не имеют специфических наборов в разных группах, а лишь различаются по количеству предметов.

Могильник Песчанка. Восточнее группы катакомбных могильников в районе Кисловодска находится **группа 4** - могильники в центральной части Кабардино-Балкарии. Среди них выделяется по количеству исследованных катакомб могильник Песчанка, исследованный в 1898 г. И.А. Владимировым.

Первоначально произведено сравнение 4 погребений мужчин и 4 погребений женщин для выделения наборов инвентаря. Мужские погребения характеризуются присутствием предметов вооружения, поясных наборов, ножей и оселков на поясе, кремневых отщепов. Для женских специфичными являются предметы туалета и некоторые категории украшений, амулеты в виде кольца с наплывами. Общий набор формируется стрелами, поясными пряжками, фибулами, бусинами, браслетами и серьгами, колесовидными амулетами и керамикой. После корректировки использовано в анализе 10 погребений мужчин и 8 погребений женщин.

Группировка мужских погребений позволяет говорить о наличии трех групп. В первую группу попадают катакомбы с поясами, фибулами, бусами и браслетами. В этой группе встречаются оружие, предметы культа и керамика (погр. 4/1, 5/1, 6/1, 8). Вторая группа сформирована тремя катакомбами с пряжками, ножами, орудиями труда. Встречается оружие, украшения (погр. 1, 2/1, 3). Наконец, третья группа из 3 катакомб объединяет безынвентарные и малоинвентарные погребения (погр. 9/1, 10/2, 15). Таким образом, налицо по-прежнему деление мужских погребений в зависимости от наличия или отсутствия поясных наборов.

Женские погребения также образуют три группы. В первой группе одно погребение 5/2 (373 бусины, пояс, полный набор украшений и предметов туалета), во второй менее богатые с 25 бусинами, поясами, предметами туалета и украшениями (4/2 и 6/2), третья объединяет безынвентарные и малоинвентарные захоронения (до 8 бусин, украшения, амулеты) (2/2, 7, 9/2, 11, 13, 14). При этом, погребения, происходящие из катакомб с двойным захоронением, соотносятся следующим образом: с группой I мужских захоронений сочетаются наиболее богатые погребения женских групп I и II (4, 5, 6). Погребения же женщин группы III в катакомбах 2 и 9 сочетаются с погребениями мужчин групп II и III. На могильнике группа более богатых погребений составляла верхний ряд катакомб, группа более бедных - нижний. В целом следует отметить повторение тенденции деления женских погребений по степени богатства.

Архон. Могильник группы 6 Архон, исследовавшийся в течение нескольких полевых сезонов Е.Г. Пчелиной и Л.Г. Нечаевой представляет собой уникальный по степени сохранности органических материалов памятник VII-IX вв. По материалам их раскопок известно 3 мужских погребения и 4 женских. Мужские погребения отличает наличие конской упряжи и предметов вооружения и поясов, присутствие обструганных палок у ног погребенного; женские - туалетных наборов, сумочек, амулетов и монет. Украшения, ножи, поясные и обувные пряжки, деревянные сосуды входят в набор, общий для тех и для других.

После выделения этих специфических наборов инвентаря удалось идентифицировать 19 мужских погребений и 7 женских. Мужские погребения Архона разделены на три группы. В первой группе наиболее богатое погребение из кат. 13 с предметами вооружения, конского снаряжения, ножом, пряжкой и обувью. Вторая группа из 12 мужских захоронений (5/2 и 3, 10/2, 14, 20/1, 21, 22/1-1, 2 и 3, 23/2, 24б/2 раскопок Е.Г. Пчелиной и 1 Л.Г. Нечаевой) представлена единичной встречаемостью разнообразного инвентаря, в целом характеризуется наличием ножа. Наконец, третья группа из 6 погребений объединяется присутствием поясных наборов в сочетании с ножом, стрелами, поясом, бусинами (8/1 и 2, 11/1 и 2, 16, 18/2 раскопок Е.Г. Пчелиной).

Как и в рассмотренных выше могильниках, женские погребения представлены двумя основными группами. В первой три менее богатые по набору инвентаря (до 11 бусин, пряжки и украшения в погр. 4/2, 6, 24б/1), во второй - более богатые (от 35 до 230 бусин в сочетании с пряжкой, ножом, поясами, украшениями в погр. 4/1 и 3, 9/1, 23/1).

Таким же образом были рассмотрены и другие катакомбные могильники более восточных территориальных групп (Чми-Суаргом, Балта и Тарское группы 7, Марган-Чу 1 группы 8, Гоуст группы 9).

Тарский Самым крупным катакомбным могильником рассматриваемой эпохи является могильник Тарский (Октябрьский), расположенный возле одноименного населенного пункта в Правобережном районе Северной Осетии. На памятнике исследовано более 40 погребений, часть из которых вошли в предлагаемый к рассмотрению анализ.

К сожалению, антропологические определения в материалах могильника отсутствуют. Не имея возможности разделить погребения взрослых на мужские и женские по скелетным остаткам, я пошел на некоторую степень риска, отнеся 21 погребение к мужским по инвентарю, который выделялся на примере других могильников. В выборку мужских погребений вошли те из них, которые содержали предметы вооружения, как доминирующий «мужской» признак, но в которых не были встречены туалетные принадлежности (доминирующий «женский» признак). Разумеется, не исключена возможность ошибки. Подобным образом определялись и женские погребения могильника, однако данных о них явно недостаточно для проведения анализа.

Проведенный кластерный анализ позволяет выделить 3 примерно равные группы мужских захоронений (рис. 26). Группа I включает в себя 5 погребений (3, 9, 26/1, 27/2 раскопок Э.С. Кантемирова и 10/1 Н.И. Гиджрати) и характеризуется наличием во всех катакомбах тесла-мотыжки, высоким процентом встречаемости топоров и керамики (80 %), а также сабель и ножей (60 %), конского снаряжения, стрел и панциря (по 20 %). Очевидно, что эта группа объединяет наиболее богатые погребения.

Группа II (8, 13, 15, 21 раскопок Э.С. Кантемирова и 3/1, 4/1, 8/1 и 2 раскопок Н.И. Гиджрати) объединяет мужские погребения с топорами и керамикой, для которых также характерно наличие пояса (63 %), ножа (88 %), встречаются обувные пряжки с накладками и стеклянные сосуды.

Наконец, группа III (погр. 6, 16/3, 17, 24/1, 29/ 1 и 2 раскопок Э.С. Кантемирова и 9/ 2 и 3 Н.И. Гиджрати) характеризуется присутствием в большинстве погребений пояса (88 %), ножа и керамики (по 63 %), реже встречаются кабаньей клык, сабля и топор.

В целом мужские погребения могильника отличает высокий процент наличия вооружения (сабля в 19 % погребений, топор - в 62 %), поясов (57 %), реже встречаются предметы конского снаряжения (5 %), стеклянные сосуды (10 %). Однако, на эти данные, безусловно, влияет сам метод отбора мужских погребений по наличию предметов вооружения.

В более восточных районах **центральной Чечни (группа 8)** расположен могильник Мартан-Чу 1, часть погребений которого относится к VIII-IX вв. Самым восточным могильником VIII-IX вв., в котором обнаружены ненарушенные погребения, является могильник Гоуст, в котором обнаружено 13 ненарушенных погребений взрослых (6 мужских и 6 женских) и 3 погребения детей. Несмотря на небольшое количество использованных погребений, в этих могильниках, как и в других, наблюдается деление мужских погребений в зависимости от наличия или отсутствия у них поясов, женских - от количества и представительности единого набора инвентаря в целом.

Выводы

Подведем некоторые итоги. К первому рассматриваемому периоду (III-IV вв.) относятся немногочисленные погребения Кисловодской котловины. Подавляющее большинство подкурганных катакомб, распространенных на Центральном Кавказе, не вошло в данную работу из-за полной их ограбленности. Однако, следует отметить, что эти погребальные сооружения, отличающиеся большими трудозатратами и при редких случаях сохранности уникальным по богатству и представительности погребальным инвентарем, безусловно относятся к периоду расцвета аланской общности до эпохи гуннских завоеваний. Если обратиться к мужским захоронениям этого периода в Кисловодской котловине, становится очевидным, что большой процент встречаемости предметов конского снаряжения и вооружения (27 и 36 %). Косвенно это может свидетельствовать о том, что около половины мужчин у данного населения ассоциировались с воинами, что нашло отражение в погребальном обряде.

Ко второму периоду (IV-V вв.) относится лишь один памятник - могильник Паласа-сырт - аланская принадлежность которого оспаривается автором раскопок. Для погребений этого могильника характерна однородность как для мужских, так и для женских погребений. Выделяется мужское погребение кат. 3 раскопок Н.О. Цилоссани, в котором найден кинжал и колчан со стрелами, однако, это единственное погребение с оружием. К этому же периоду М.П. Абрамова относит могильник Брут в Северной Осетии, большинство погребений которого ограблено. Интересным представляется наблюдение автора, что в данном могильнике сочетаются одновременные подкурганные и грунтовые захоронения, что объясняется причинами социального характера (Абрамова, 1975, с. 232). Подобная тенденция - совершение захоронений более высокого ранга в подкурганных погребениях, а менее высокого - на грунтовых могильниках - прослеживается на близкой территории восточной Чечни и северного Дагестана в следующий период (V-VIII вв.) и находит аналогию в синхронных древностях Западной Европы, например, у англо-саксов (Hörke, 1997, p. 151).

Как можно охарактеризовать в целом полученную группировку мужских погребений V-VIII вв. ? По поводу высокого социального статуса некоторых погребенных никаких сомнений не возникает (например, погребения из кат. 113 и 123 могильника Мокрая Балка I, кат. 352, 357, 360 из Клинь-Яра, 10 и 11 Лермонтовской Скалы 2 и др.). Это отражается в наборах инвентаря, размерах погребального сооружения, иногда в наличии оградки из камней над катакомбой (единственной на могильнике, как, например, в Мокрой Балке), наконец, в материале, из которого выполнены многие вещи - все говорит о неординарности этого мужского захоронения. Об этом писал в свое время Г.Е. Афанасьев, а А.П. Рунич даже посвятил отдельную работу ряду так называемых «княжеских» погребений V-VII вв. из Кисловодской котловины (погребение из могильника Острый мыс N 2, из катакомбы N 10 могильника N 2 у Лермонтовской скалы, 113 из Мокрой Балки) (Рунич, 1976, 1977).

Деление остальных погребений на погребения с поясами, с пряжками и малоинвентарные несет определенную социальную информацию. Г.Е. Афанасьев пришел к подобному выводу, получив в итоге следующую группировку мужских погребений Мокрой Балки I по характеру поясных наборов: 1. богатые с золотыми поясными наборами и их серебряными подражаниями; 2. погребения, содержащие упрощенные медные и бронзовые поясные наборы или пряжки; 3. захоронения, содержащие бронзовые или медные пряжки без наборов; 4. беднейшие мужские захоронения, без инвентаря, за исключением керамики. В результате исследователем выделяются группы воинов и рядовых общинников. Безынвентарные погребения составляют группу зависимого населения (Афанасьев, 1976, с. 164-165).

В более поздней работе на материалах катакомбных погребений Среднего Дона второй половины VIII - начала X вв. Г.Е. Афанасьев счел возможным разделить мужчин на "алдаров" и "афсад" - воинов и рядовых общинников (Афанасьев, 1993, с. 50).

С.Н. Савенко на материалах катакомбных погребений X-XII вв. выделяет группы мужчин по составу наборов вооружения: знатных всадников, среднего слоя воинов-всадников, низшего слоя всадников, пеших воинов-общинников, мужчин с деталями поясных наборов; мужчин, занятых в производственной сфере; говорит о возможности выделения зависимого населения (Савенко, 1989, с. 16-17).

Однако, на мой взгляд, картина, полученная на материалах северокавказских катакомбных могильников V-VIII вв. явно сложнее той, которую можно было бы получить при однозначном наложении схемы деления Г.Е. Афанасьева на "алдаров" и "афсад" или схемы С.Н. Савенко - на "всадников" и "пеших". Во-первых, погребения мужчин с поясами, которые обычно считаются воинским атрибутом, не всегда сопровождалась предметами вооружения. Конская упряжь также встречается весьма редко (соответственно, 14 и 16 % от общего числа мужских погребений Кисловодской котловины). По сравнению с предыдущей эпохой, встречаемость предметов конской упряжи и вооружения сократилась почти вдвое. Конечно, следует помнить, что предметы конской упряжи могли делаться из органических материалов, как и votivные, символические предметы, замещающие оружие (Рунич, 1973, с. 165-166; Иерусалимская, 1983, с. 102-105). С.Н. Савенко связывает редкость предметов вооружения в катакомбах V-VII вв. с хазарским владычеством. Это спорный вопрос, до какой степени распространялось хазарское влияние в рассматриваемый период на северокавказских алан. Так, например, М.П. Абрамова считает, что о зависимости алан от хазар по данным письменных источников можно говорить только применительно к VIII-IX вв. (Абрамова, 1979). На мой взгляд, причины редкого помещения предметов вооружения в погребения (которые могли замещаться символическими предметами, сделанными из органических материалов) скорее экономического характера. Редкость оружия объясняется его ценностью помещается в погребения в исключительных случаях. В более поздний период (VIII-IX вв.) относительный рост количества предметов вооружения в погребениях (от 19 до 62 % для разных категорий на примере могильника Тарский) может свидетельствовать о более активном производстве его.

Что же касается безынвентарных погребений, охарактеризованных Г.Е. Афанасьевым как погребения "зависимых" людей, то здесь, на наш взгляд, следует быть более осторожным с оценками. В данном случае, далеко не весь инвентарь мог дойти до исследователей. Заметим, что все безынвентарные погребения мужчин могильника Мокрая Балка I относятся к парным сочетаниям погребенных, т.е. они были похоронены так же, как и другие полноправные члены общины. Из памятников, относящихся к V-VIII вв., наиболее соответствуют определению «зависимые» погребения взрослых на детском грунтовой могильнике Верхний Чир-Юрт 2.

Для заключительного периода (VIII-IX вв.) у нас явно недостаточно исходного материала, чтобы строить обоснованные выводы. Отмечу лишь, что для мужских погребений становится более характерным присутствие поясных наборов, тогда как в предшествующий период они встречались в равной мере как в мужских, так и в женских захоронениях. По-прежнему мужские погребения достаточно четко разделяются в зависимости от наличия или отсутствия поясов, и погребения с поясами чаще сопровождаются оружием и престижными предметами (например, стеклянными стаканами).

Заключением по вопросу социальной стратификации алан IV-IX вв. на Северном Кавказе может служить констатация социальной однородности населения. По-видимому, все мужское население составляло войско ("афсад"), что являлось одновременно и главной обязанностью, и правом свободного населения общины. Подобную ситуацию А.Р. Чочиев относит к пережиткам эпохи военной демократии, прослеживая ее на многочисленных этнографических материалах (*Чочиев, 1985, с. 127-129*).

Одновременно, намечается тенденция выделения знатных воинов-вождей ("алдар"). К нему относятся погребения из катакомб 113 и 123 могильника Мокрая Балка I, 352, 357 и 360 из Клинь-Яра 3, 10 и 11 из Лермонтовской Скалы 2, 9 могильника Тарский и некоторые другие. Однако, социальный статус этих людей, видимо, по наследству не передавался, так как наследственное закрепление участков на кладбищах за более социально представительными и богатыми слоями населения не прослеживается не только в V-VIII вв., но и на материалах X-XII вв. Исключение составляет выделенные авторами раскопок могильника Клинь-Яр 3 участок с элитарными погребениями (*Belinsky, Hdrke, in press*). Это может быть связано с большей социальной развитостью населения этой общины, находящейся в непосредственной близости от трассы Великого Шелкового пути. Возможно, на социальную роль погребенных высокого ранга влияли прежде всего их личные качества как воинов, что находит подтверждение в этнографических материалах (*Чочиев, 1985, с. 119-122*). По сравнению со своими соплеменниками VIII-IX вв. на Среднем Дону и Северском Донце, социальная структура алан на Северном Кавказе выглядит более аморфно, не прослеживается четкого деления общины в зависимости от принадлежности к разряду воинов, хотя, безусловно, такая картина может являться следствием менее качественного исходного материала.

Социальный статус женщин прослеживается слабо. Зависимость его от социального статуса мужчин по данным Мокрой Балки напрямую не отражена. Подобная картина наблюдалась Г.Е. Афанасьевым на материалах Верхнесалтовской общины, однако, связывалась им, в отличие от рассматриваемого случая, с более дифференцированным обществом, чем общество другой, Дмитриевской общины (*Афанасьев, 1993, с. 50*). В нашем случае на степень представительности инвентаря могли влиять различные обстоятельства смерти, происхождения, богатства родственников и т.п. Примечательно, что факт отражения в инвентаре женских погребений богатства, а не социальных структур, отмечался исследователями и других варварских обществ (*Jensen, Nielsen, 1997, с. 58*). Предлагались и различные интерпретации этого явления - одни исследователи считали степень богатства женщин отражением их личного положения в обществе, другие - положения их мужей (*Hdrke, Savenko, in press*). Сопоставление парных погребений мужчин и женщин по выделенным группам из катакомбных захоронений Северного Кавказа разных периодов не привело к ощутимым результатам. Некоторым исключением выглядят материалы могильника Песчанка, где три женских погребения с более богатым инвентарем соотносятся с тремя мужскими погребениями высшего ранга.

Таким образом, следует признать, что в период с IV по IX вв. аланские племена жили в обществе, получившем в свое время определение как «военная демократия». Говорить о каких-либо отражениях социальных структур, присущих обществам с феодальными отношениями, данный материал, на мой взгляд, не позволяет.

Список литературы

- Абрамова М.П., 1972. Нижнеджуглатский могильник. Нальчик.
- Абрамова М.П., 1975. Катакомбные погребения IV-V вв. н.э. из Северной Осетии // СА. № 1.
- Абрамова М.П., 1979. Письменные источники о кавказских аланах // IX Крупновские чтения. Тезисы докладов. Элиста.
- Абрамова М.П., 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. М.
- Алексеева Е.П., 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (вопросы этнического и социально-экономического развития). М.
- Амброз А.К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. М.
- Афанасьев Г.Е., 1976. Проблемы хронологии раннесредневековых памятников Северного Кавказа. Диссертация ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р2, № 2213, 2213а.
- Афанасьев Г.Е., 1978. Патронимия у алан (к постановке проблемы) // Социальные отношения у народов Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Афанасьев Г.Е., 1979. Хронология могильника Мокрая Балка // КСИА. Вып. 158.
- Афанасьев Г.Е., 1992. Этнические аспекты генезиса катакомбного обряда погребений в салтово-маяцкой культуре // Аланы и Кавказ. Alanica II. Владикавказ-Цхинвал.
- Афанасьев Г.Е., 1993. Донские аланы (социальные структуры алано-асского населения бассейна Среднего Дона в составе Хазарского каганата). М.
- Виноградов В.Б., Мамаев Х.М., 1979. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии (по материалам новых могильников) // АВЭИСК. Грозный.
- Виноградов В.Б., Мамаев Х.М., 1984. Аланский могильник у с. Мартан-Чу в Чечене (материалы 1970-1976 гг.) // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе.
- Виноградов В.Б., Мамаев Х.М., 1985. Мартан-Чуйский 1-й могильник в Чечене (материалы раскопок 1977-1978 гг.) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Габуев Т.А., 1985. Аланские погребения IV в. н.э. в Северной Осетии // СА. № 2.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Гарданов Б.А., 1960. Народы Кавказа. Т. I. М.
- Гмыря Л.Б., 1993. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала.
- Гутнов Ф.Х., 1991. Стадиально-типологическая характеристика аланского государства X-XII вв. // Тезисы докладов I Международной научной конференции "Осетиноведение: история и современность". Владикавказ.
- Гутнов Ф.Х., 1993. Средневековая Осетия. Владикавказ.
- Деген-Ковалевский Б.Е., 1935. Отчет о работах на строительстве Баксанской гидроэлектростанции // Археологические работы ГАИМК на новостройках в 1932-1933 гг. Т. 2. // Известия ГАИМК. Вып. 110. М.
- Джигоев М.К., 1982. Алания в XIII-XIV вв. Рукопись диссертации ... кандидата исторических наук. М.

- Дидебулидзе З.Ш., 1983. Культурные взаимосвязи народов Грузии и Центрального Предкавказья. Тбилиси.
- Иерусалимская А.А., 1983. Археологические параллели этнографически засвидетельствованным культам Кавказа (на материалах могильника Мощевая Балка) // СЭ. № 1.
- Иессен А.А., 1941. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. № 3. М.-Л.
- Кокиев Г., 1926. Очерки по истории Осетии. Ч.1. Владикавказ.
- Ковалевская В.Б., 1958. Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III-IX вв. М.
- Ковалевская В.Б., 1981. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.
- Ковалевская В.Б., 1987. Центральное Предкавказье в древности и раннем средневековье (кавказский субстрат и передвижение ираноязычных племен). Рукопись диссертации ... докт. ист. наук. М. // Архив ИА РАН. P2, № 2385, 2386.
- Коробов Д.С., 1995. Информационно-поисковая система "ALAN". Аланские катакомбные могильники Северного Кавказа IV-IX вв. // Базы данных в археологии. М.
- Коробов Д.С., 1996. Опыт многомерного статистического анализа материалов могильника Мокрая Балка I // Компьютеры в археологии. М.
- Коробов Д.С., 1998. Выделение локальных вариантов катакомбных могильников III-IX вв. на Северном Кавказе // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1, Археология. Ставрополь.
- Крупнов Е.И., 1946. Краткий очерк по археологии Кабардино-Балкарской АССР. Нальчик.
- Кузнецов В.А., 1962. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. № 106. М.
- Кузнецов В.А., 1971. Алания в X-XIII вв. Орджоникидзе.
- Кузнецов В.А., 1973. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-XIII вв. // СА. № 2.
- Кузнецов В.А., 1980. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе.
- Кузнецов В.А., 1984. Очерки истории алан. Орджоникидзе.
- Магомедов М.Г., 1983. Образование Хазарского каганата. М.
- Магомедов А.Х., 1974. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе.
- Мамаев Х.М., 1986. Хронология катакомбных могильников Чечено-Ингушетии конца IV - первой половины VIII вв. // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Минаева Т.М., 1956. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии // СА. XXVI.
- Минаева Т.М., 1965. Очерки по археологии Ставрополья. Ставрополь.
- Найденко А.В., 1984. Очерки истории Ставропольского края. Т.1. Ставрополь.
- Ольховский В.С., 1986. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. № 1.

- Рунич А.П., 1973. О конской сбруе из района Пятигорья // СА. № 1.
- Рунич А.П., 1976. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. № 3.
- Рунич А.П., 1977. Два богатых раннесредневековых погребения из Кисловодской котловины // СА. № 1.
- Савенко С.Н., 1984. Количественный состав погребенных в раннесредневековых катакомбах Центрального Предкавказья как социальный показатель // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный.
- Савенко С.Н., 1989. Характеристика социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников X-XII вв. н. э. // Автореферат диссертации ... кандидата исторических наук. М.
- Скитский Б., 1947. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. // Известия СОНИИ. Т. XI. Дзауджикау.
- Чочиев А.Р., 1985. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали.
- Arnold C., 1980. Wealth and social structure: a matter of life and death. In: P. Ratz, T. Dickinson, L. Watts (eds.). Anglo-Saxon cemeteries 1979. The fourth Anglo-Saxon symposium at Oxford. BAR. 82. Oxford.
- Belinsky A., Ндрке Н., in press. New excavations in the Iron Age to early medieval cemetery of Klin Yar (North Caucasus), 1994-96. In: Colloquia Pontica.
- Ндрке Н., 1990. 'Warrior graves' ? The background of the Anglo-Saxon weapon burial rite. In: Past & Present 126. 22-43.
- Ндрке Н., 1992. Changing symbols in a changing society: the Anglo-Saxon weapon burial rite in the seventh century. In: M.O.H. Carver (ed.) The Age of Sutton Hoo. Woodbridge: Boydell Press, 149-165.
- Ндрке Н., 1994. Data types in burial analysis. In: B. Stjernquist (ed.). Prehistoric graves as a source of information. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens, Konferenser 29. Stockholm. 31-39.
- Ндрке Н., 1997. Early Anglo-Saxon social structure. In: J. Hines (ed.). The Anglo-Saxons from the Migration period to the eighth century. An ethnographic perspective. San Marino.
- Ндрке Н., Savenko S., in press. Burial analysis in West European and American archaeology. In: PA.
- Hodder I., 1980. Social structure and cemeteries: a critical appraisal. In: P. Ratz, T. Dickinson, L. Watts (eds.). Anglo-Saxon cemeteries 1979. BAR № 82. Oxford.
- Hodder I., 1986. Reading the past: current approaches to interpretation in archaeology. Cambridge etc.: CUP.
- Hodson F.R., 1979. Inferring status from burials in Iron Age Europe: some recent attempts. In: B.C. Burnham, J. Kingsbury (eds.). Space, hierarchy and society. BAR International Series. 59. Oxford. pp. 23-30.
- Jensen C.K., Nielsen K.H., 1997. Burial Data and Correspondence Analysis. In: C.K. Jensen, K.H. Nielsen (eds.). Burial and Society. The Chronological and Social Analysis of Archaeological Burial Data. Aarhus - Oxford.
- Jürgensen L., 1987. Family burial practices and inheritance systems. The development of an Iron Age society from 500 BC to AD 1000 on Bornholm, Denmark. In: Acta Archaeologica. Vol. 58. Copenhagen.

- Jürgensen L., 1991. Castel Trosino and Nocera Umbra. A chronological and social analysis of family burial practices in Lombard Italy (6th - 8th cent. AD). In: *Acta Archaeologica*. Vol. 62. Copenhagen.
- Orton C.R., Hodson F.R., 1981. Rank and Class: interpreting the evidence from prehistoric cemeteries. In: S.C. Humphreys, H. King (eds.). *Mortality and Imortality*. London.
- Nielsen K.H., 1991. The application of Correspondance Analysis: some examples in archaeology. In: H.-H. Bock, P. Ihm (eds.). *Classification, data analysis and knowledge organisation. Models and methods with applications. Proceedings of the 14th Annual Conference of the Gesellschaft für Klassifikation e. V. University of Marburg. March 12-14. 1990.*
- Pader E.J., 1980. Material symbolism and social relations in mortuary studies. In: P. Rahtz, T. Dickinson and L. Watts (eds.). *Anglo-Saxon cemeteries 1979. The fourth Anglo-Saxon symposium at Oxford. BAR 82 . Oxford. 143-159.*
- Pader E.J., 1982. Symbolism, social relations and the interpretation of mortuary remains. *BAR International Series, 130. Oxford.*
- Reinhold S., 1997a. Time versus Ritual - Typological Structures and Mortuary Practices an Late Bronze/Early Iron Age Cemeteries of North-East Caucasia («Koban Culture»). In: *Analecta Praehistoria Leidensis. 28. Leiden.*
- Reinhold S., 1997b. Zeit oder Sozialstruktur ? - Bemerkungen zur Anwendung von Korrespondenzanalysen bei der Untersuchung prähistorischer Grabfunde. In: J. Müller, A. Zimmermann (eds.). *Archäologie und Korrespondenzanalyse. Beispiele, Fragen, Perspektiven. Internationale Archäologie. Band 23.*
- Richards M., Smalley K., Sykes B., Hedges R., 1993. Archaeology and genetics: analysing DNA from skeletal remains. In: *World Archaeology, Vol. 25, No 1, pp. 18-28.*
- Theune C. von, 1995. Möglichkeiten und Grenzen der Seriation. Ein Diskussionbeitrag. In: *EAZ. 36.*

Список сокращений

АВЭИСК Грозный	Археология и вопросы экономической истории Северного Кавказа, Грозный
ГАИМК	Государственная Академия истории материальной культуры
ИА РАН	Институт археологии Российской Академии Наук
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР, М.
СА	Советская археология
СОНИИ	Северо-Осетинский научно-исследовательский институт
СЭ	Советская этнография
BAR	British Archaeological Reports, Oxford.
EAZ	Ethnographisch-Archdologische Zeitschrift, Berlin.

Illustrations

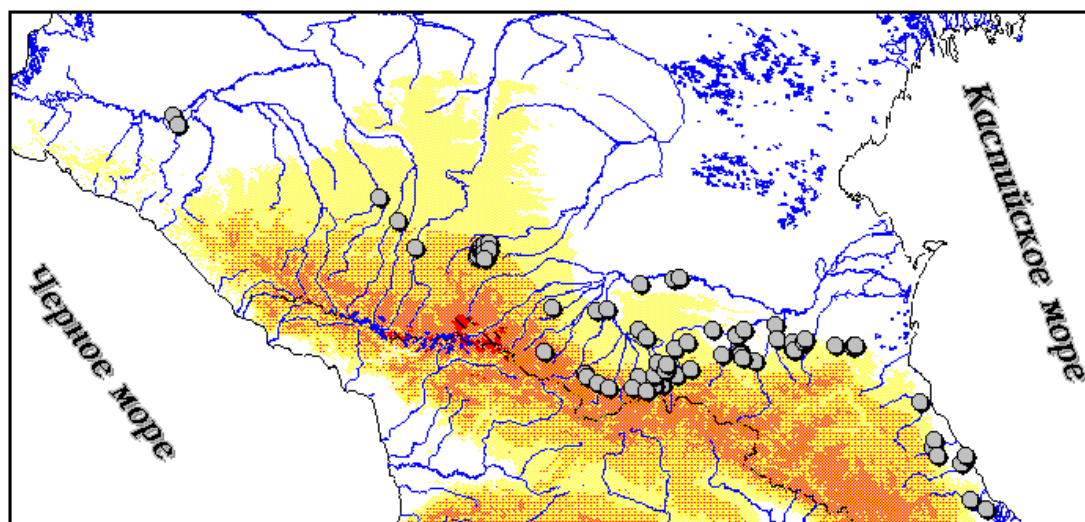

Рис. 1. Катакомбные могильники Северного Кавказа IV-IX вв.

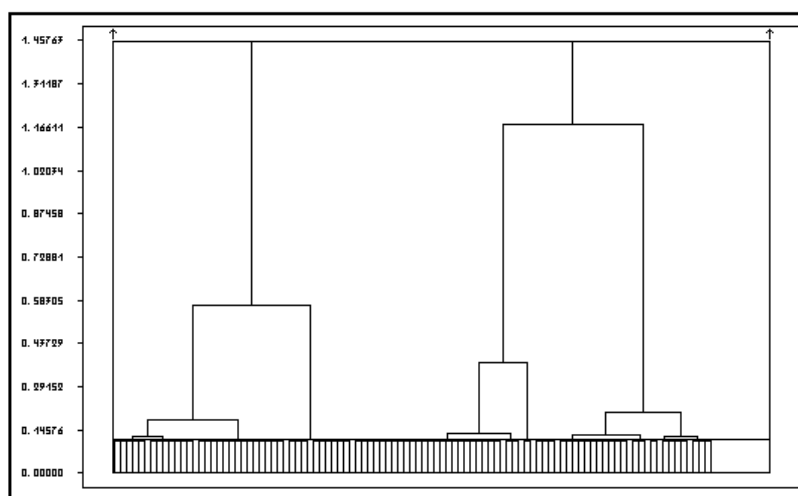

Рис. 2. Результаты выделения территориальных групп катакомбных могильников методом кластерного анализа.

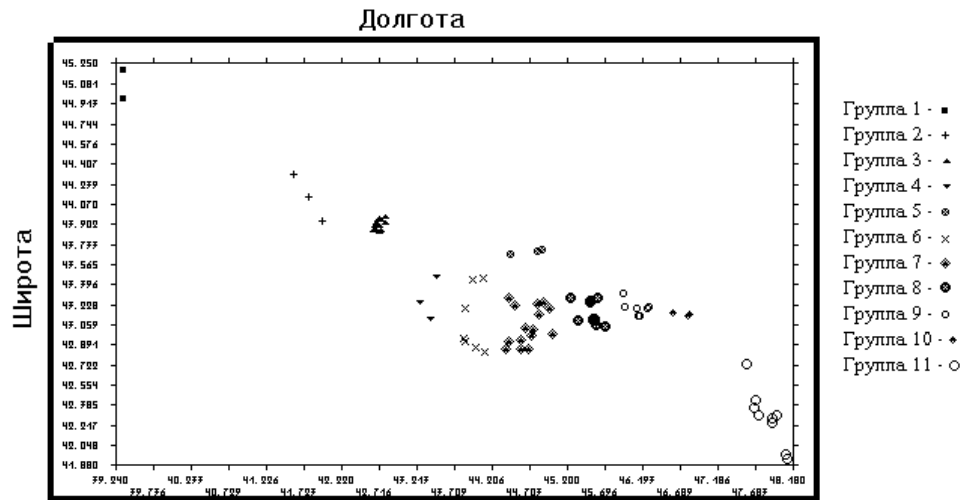

Рис. 3. Проекция результатов кластерного анализа на исходные переменные.

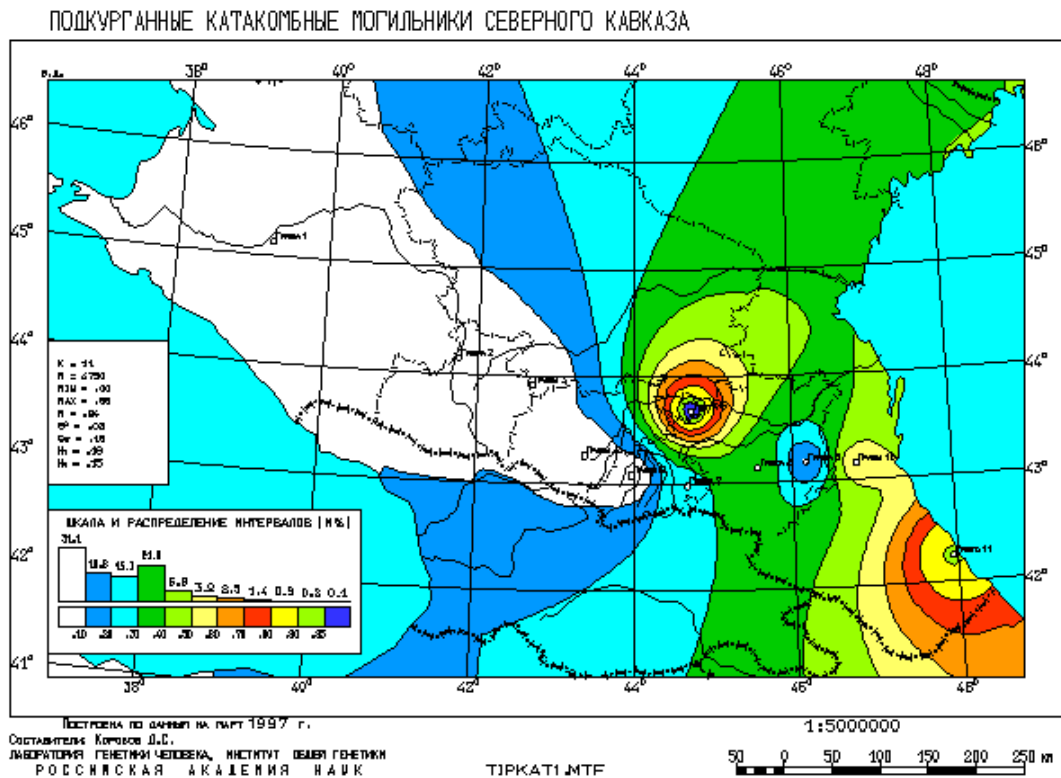

Рис. 4. Подкурганые катакомбы на Северном Кавказе.

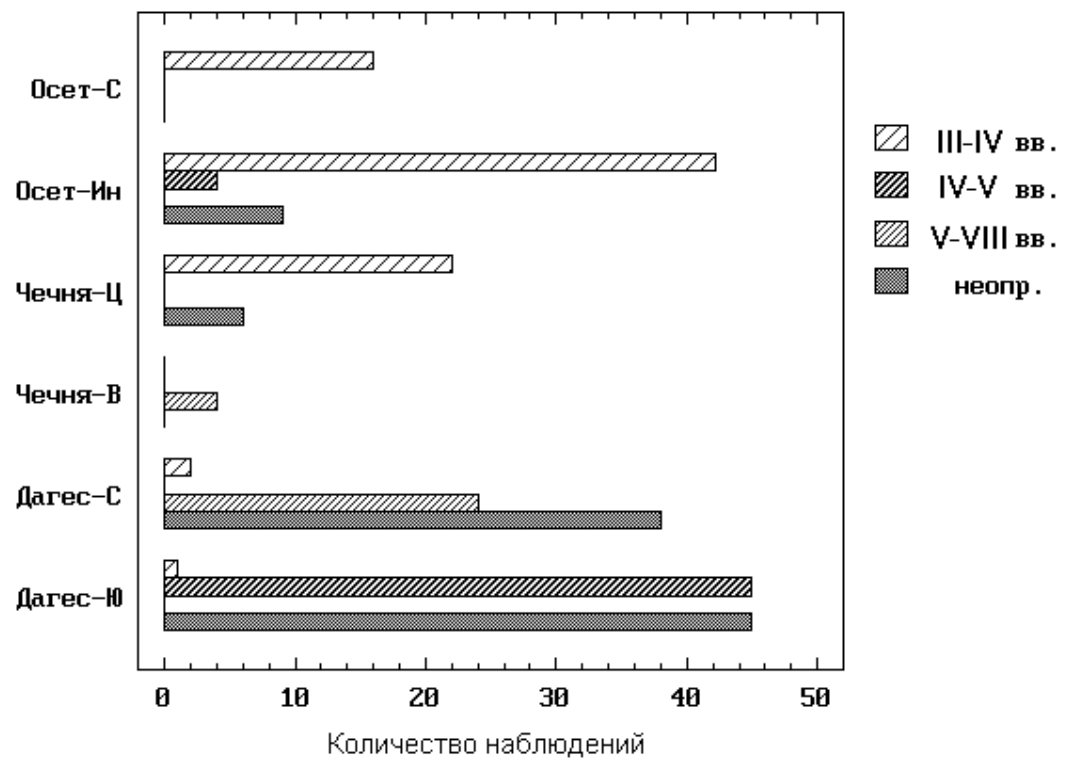

Рис. 5. Распределение подкурганных катакомб разных хронологических периодов по территориальным группам

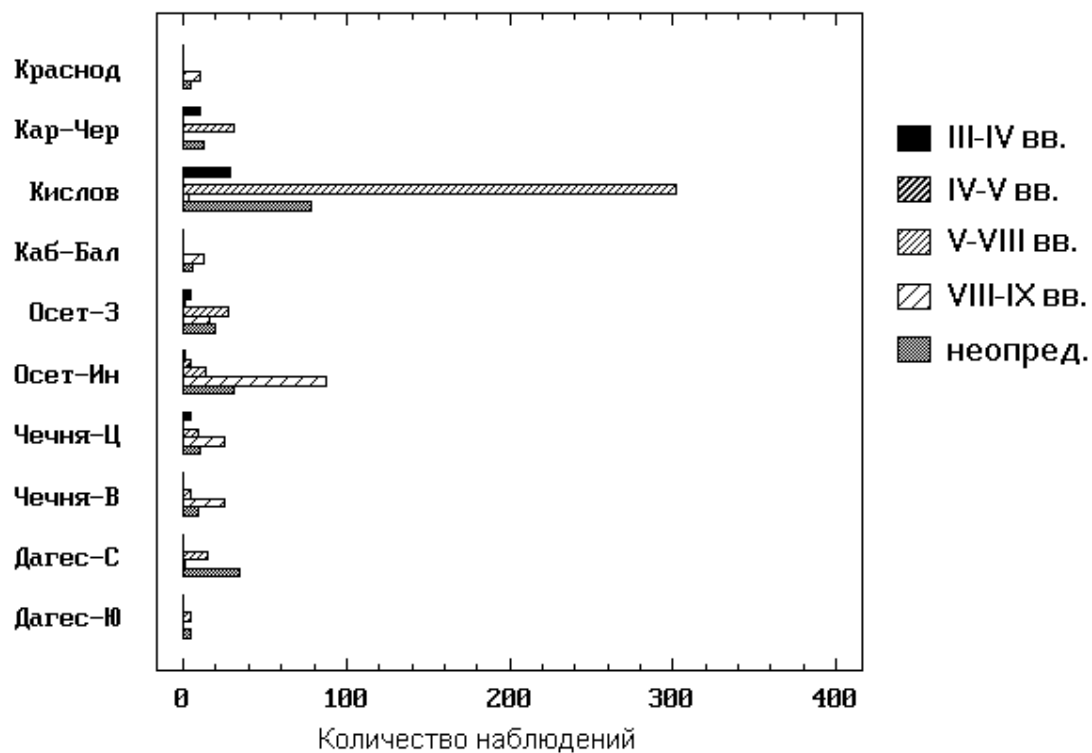

Рис. 6. Распределение грунтовых катакомб разных хронологических периодов по территориальным группам.

КАТАКОМБНЫЕ МОГИЛЬНИКИ 2-4 вв. НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

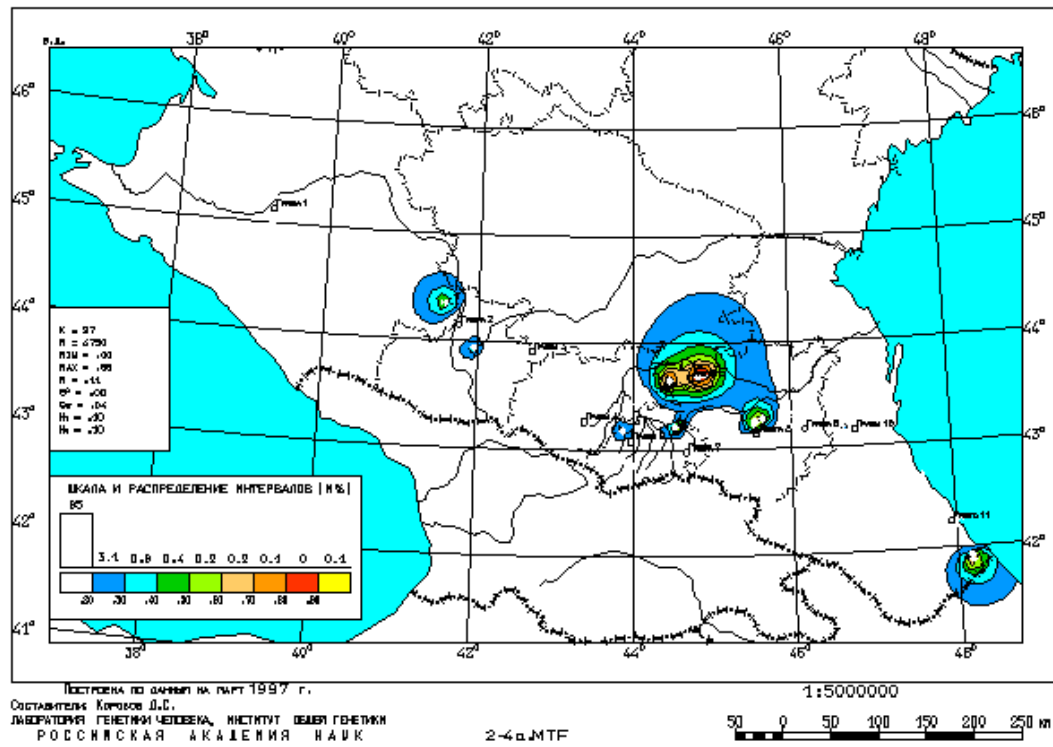

Рис. 7. Распределение катакомбных могильников III-IV вв. на Северном Кавказе.

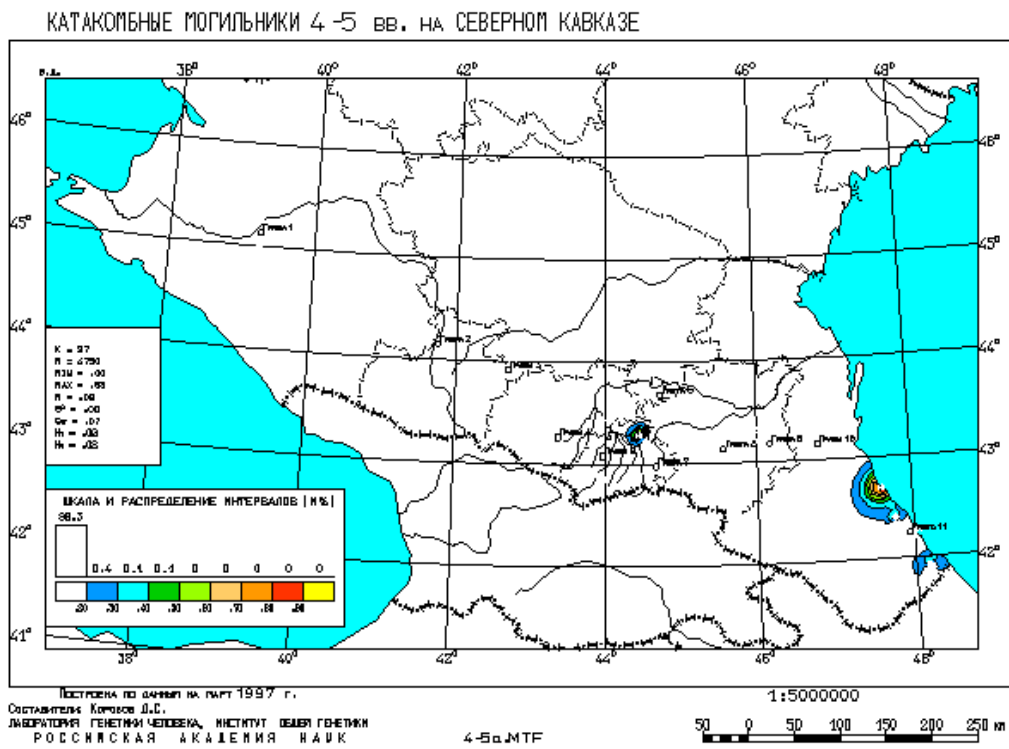

Рис. 8. Распределение катакомб IV-V вв. на Северном Кавказе.

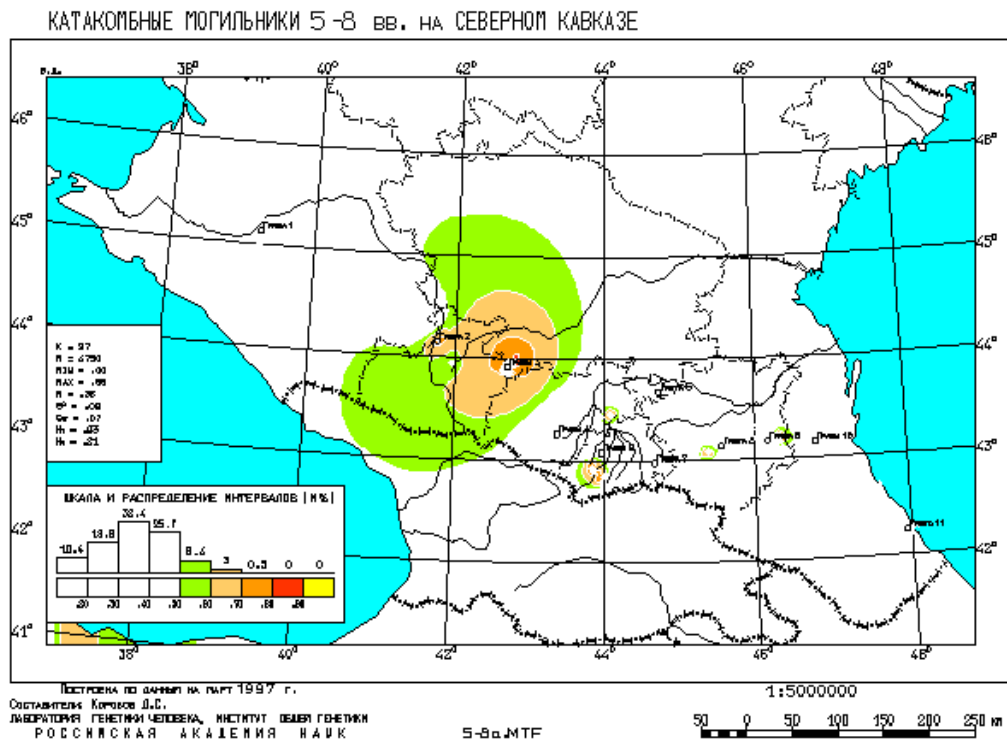

Рис. 9. Распределение катакомб V-VIII вв. на Северном Кавказе.

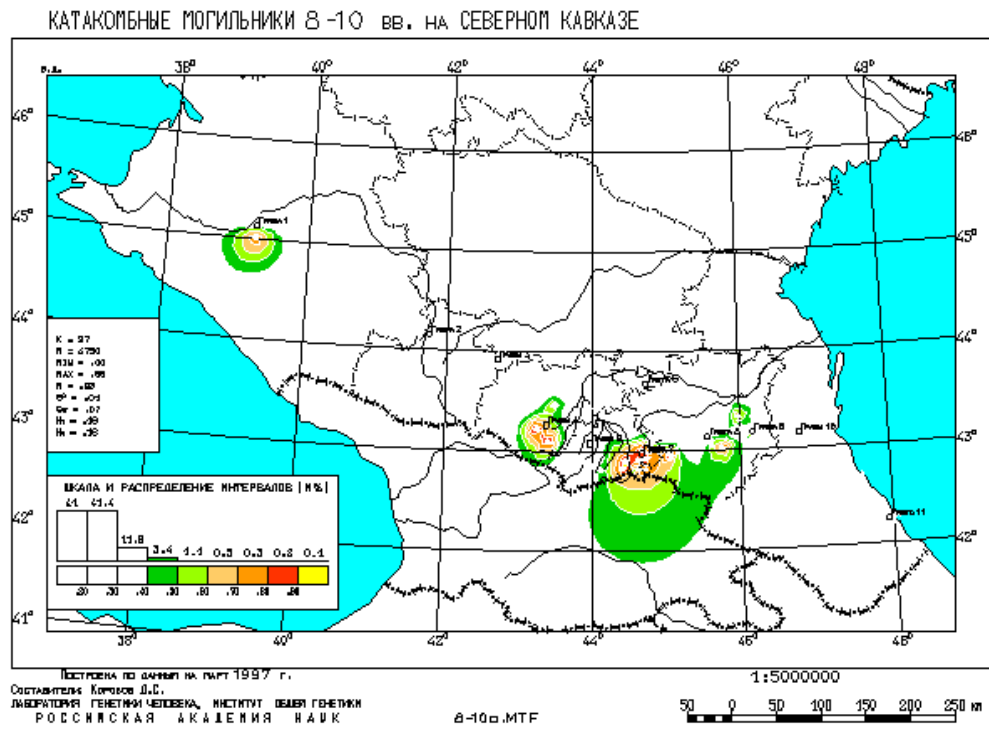

Рис. 10. Распределение катакомб VIII-IX вв. на Северном Кавказе.

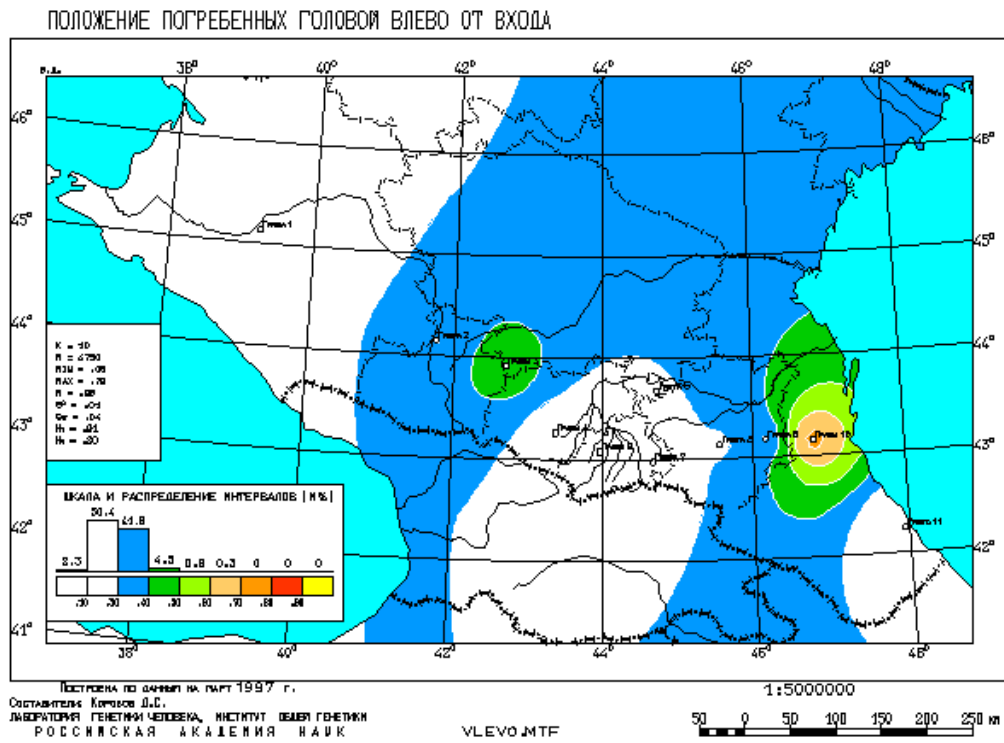

Рис. 11. Распределение погребенных, уложенных головой влево от входа в камеру.

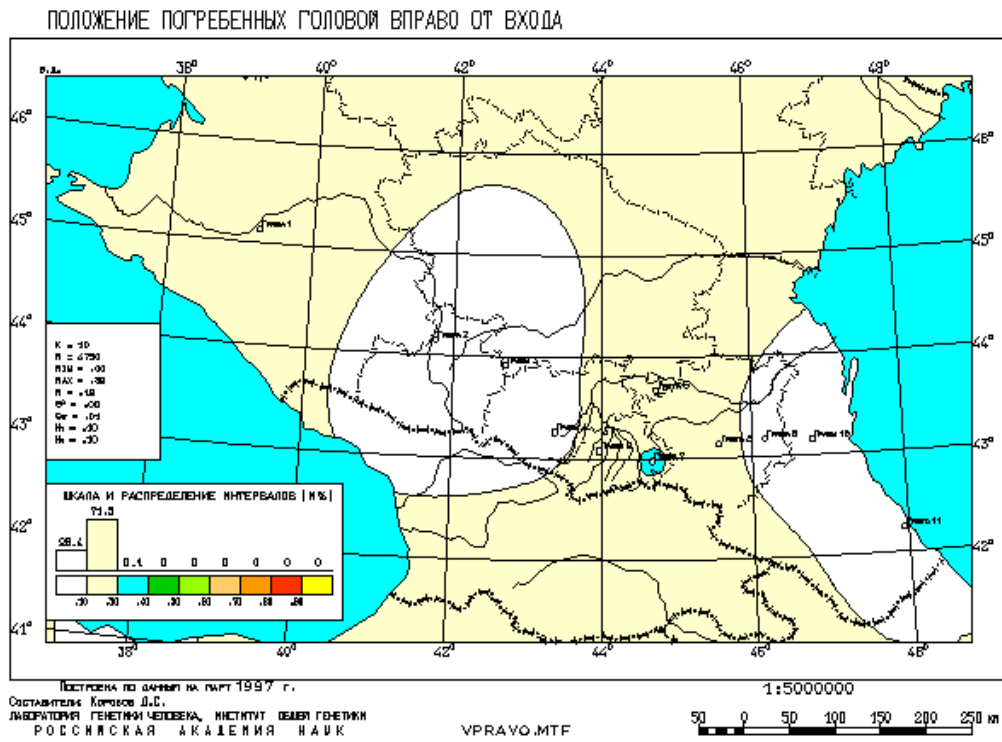

Рис. 12. Распределение погребенных, уложенных головой вправо от входа в камеру.

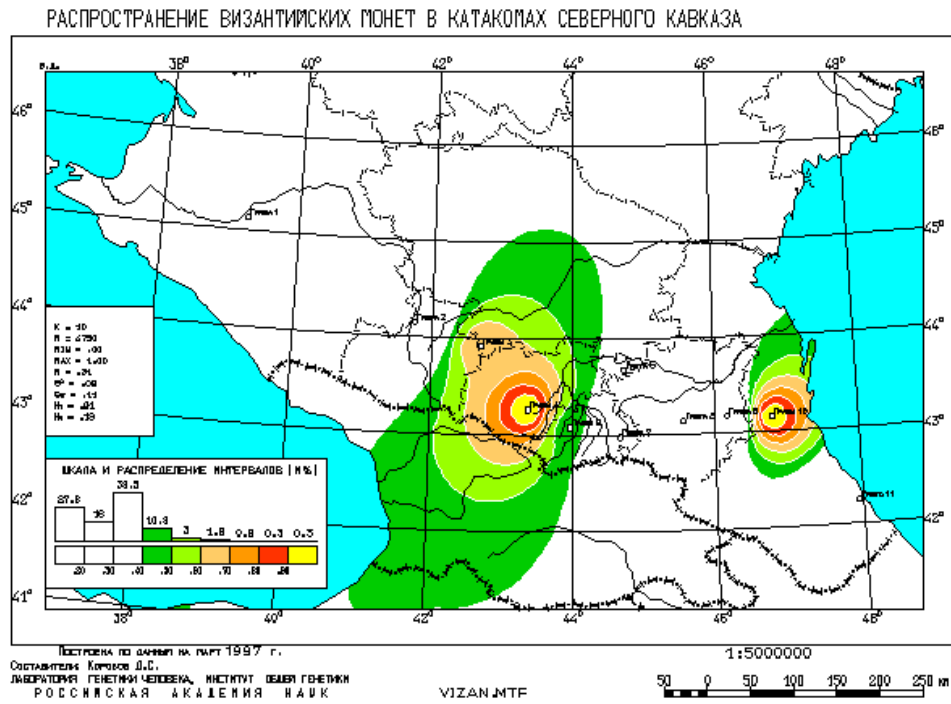

Рис. 13. Распределение византийских монет в катакомбных могильниках.

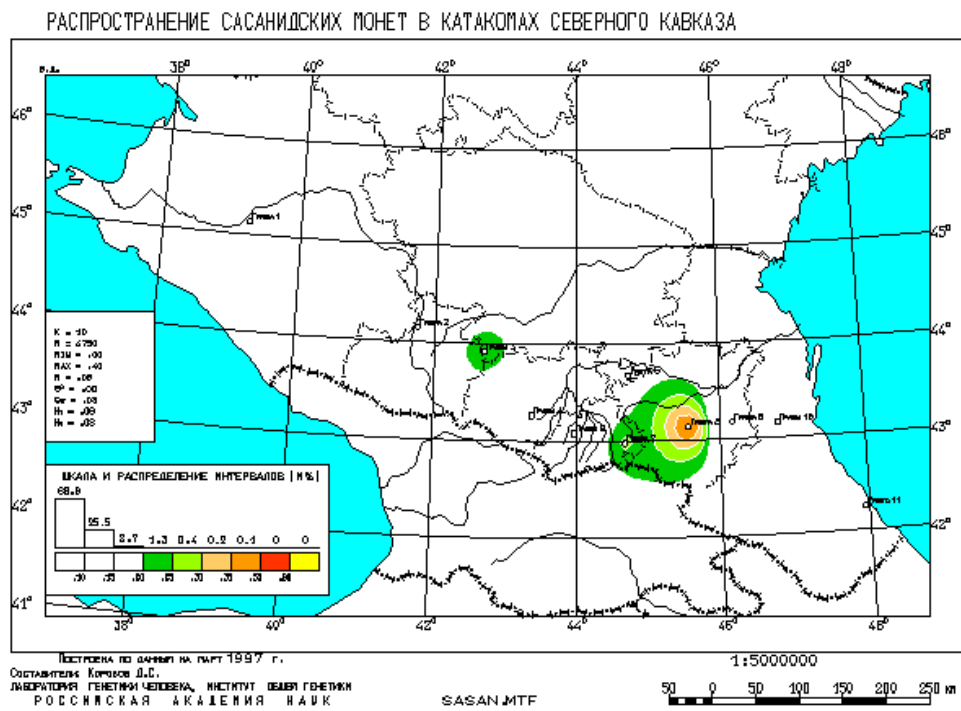

Рис. 14. Распределение монет Сасанидского Ирана в катакомбных могильниках.

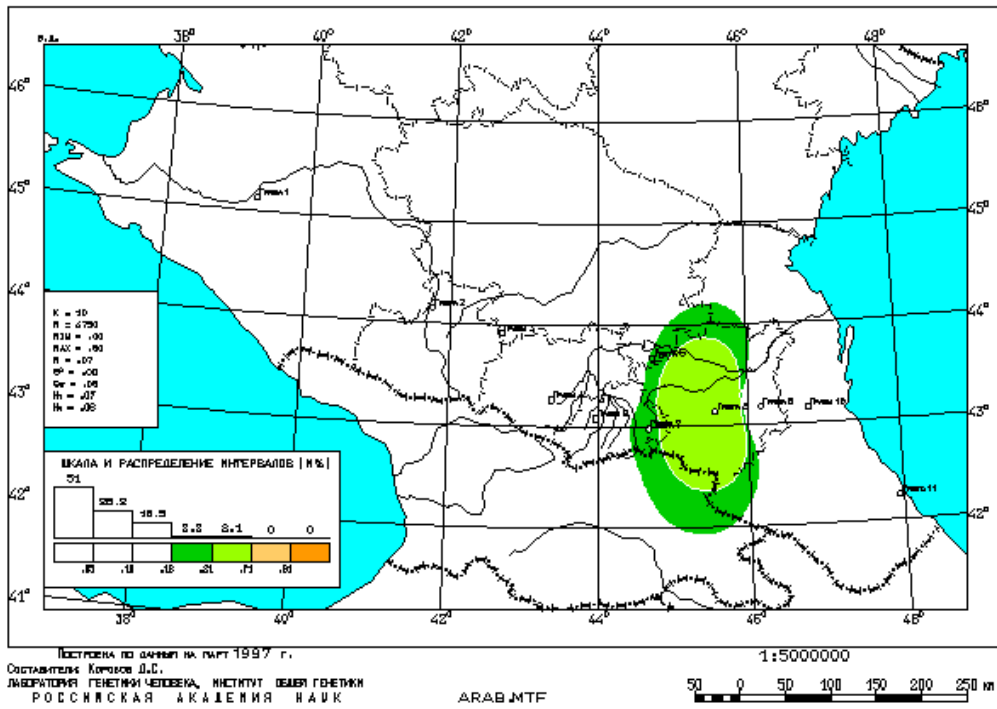

Рис. 15. Распределение арабских монет в катакомбных могильниках Северного Кавказа.

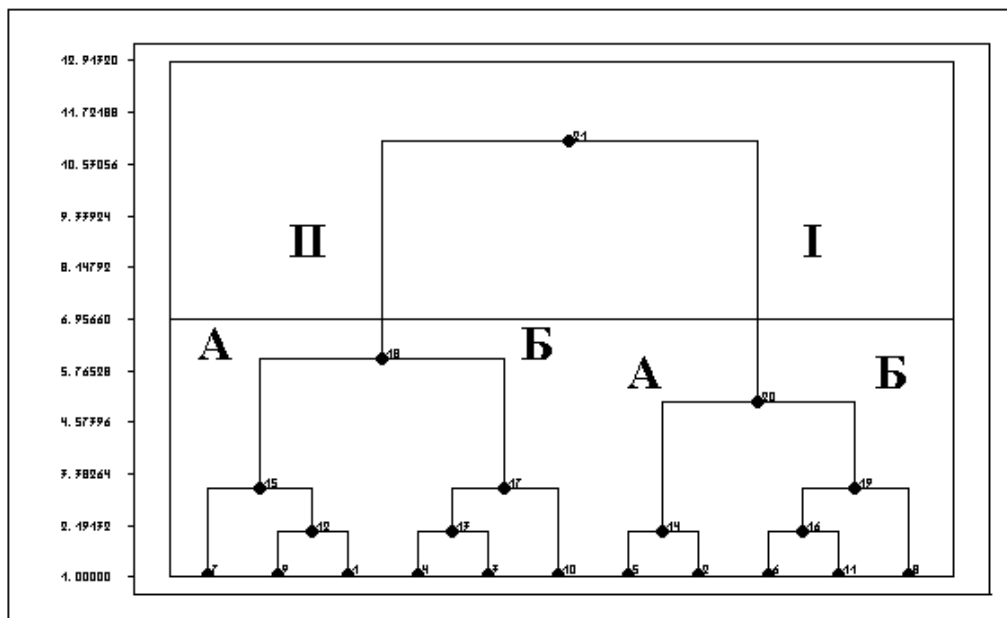

Рис. 16. Результаты группировки мужских погребений III-IV вв.

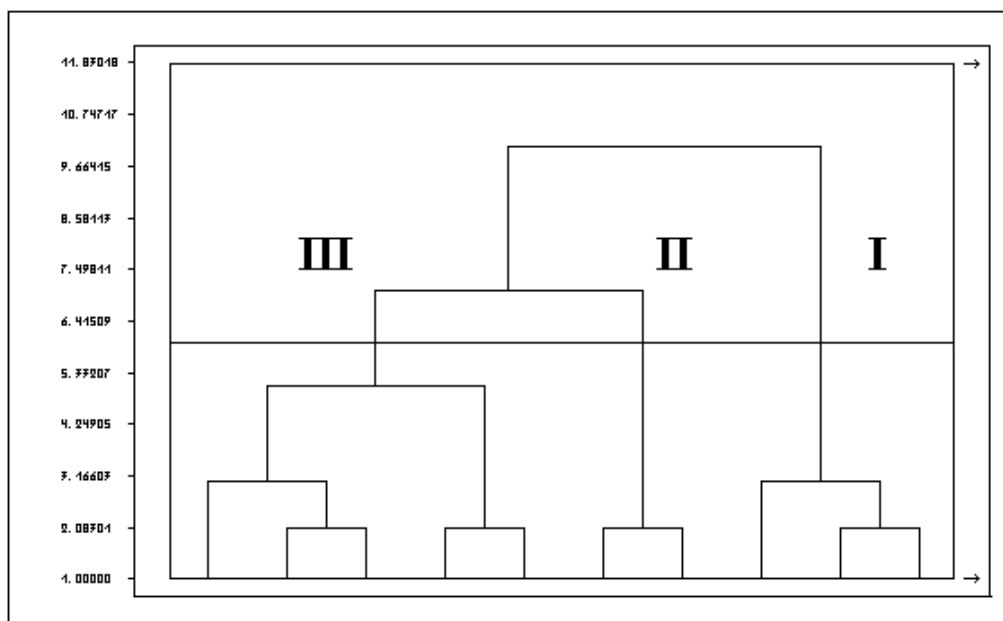

Рис. 17. Результаты группировки женских погребений III-IV вв.

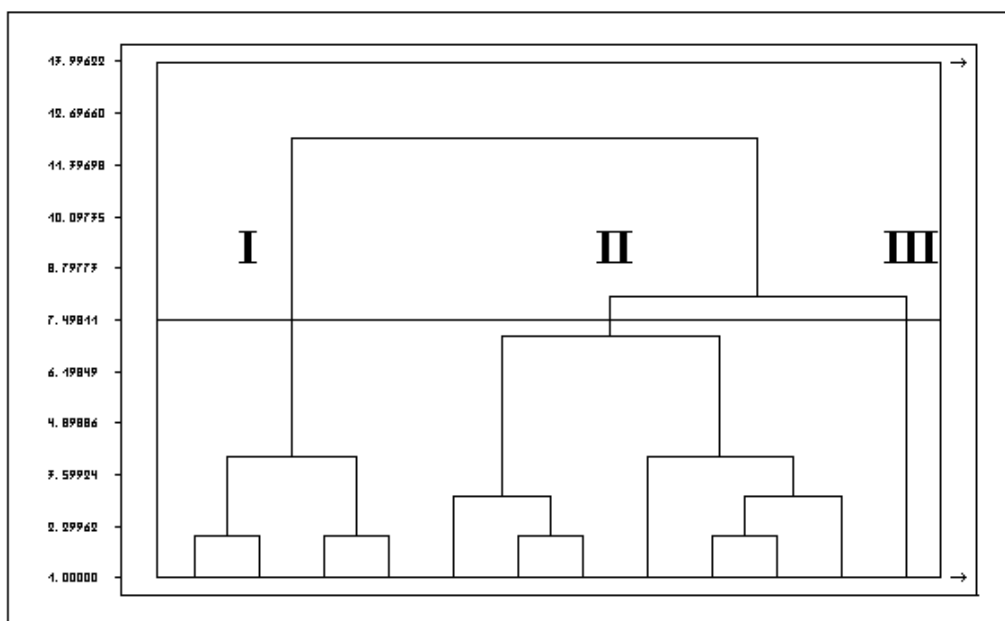

Рис. 18. Группировка мужских погребений могильника Паласа-сырт.

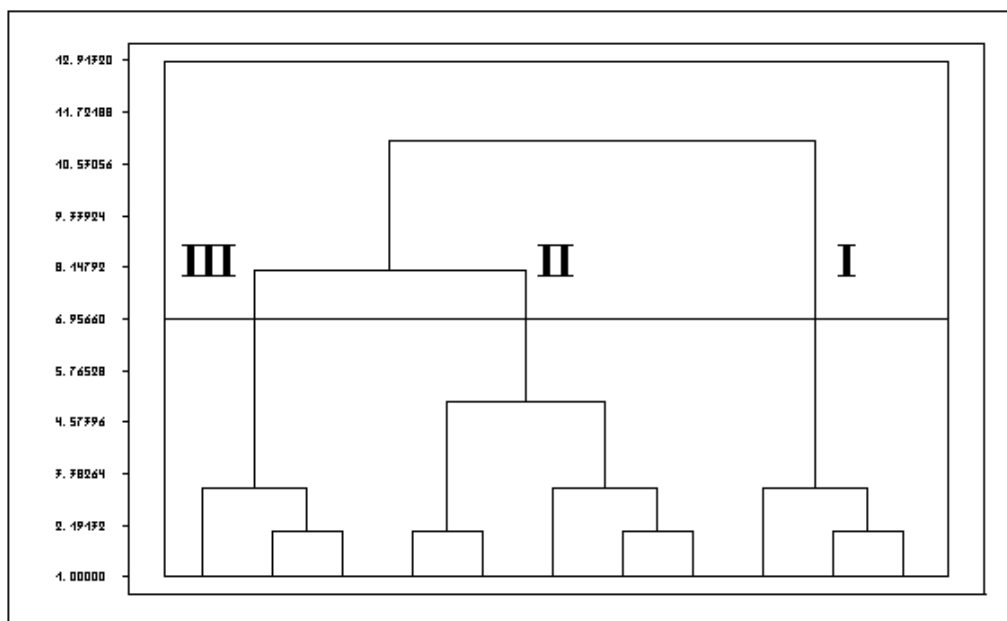

Рис. 19. Результаты группировки женских погребений могильника Паласа-сырт.

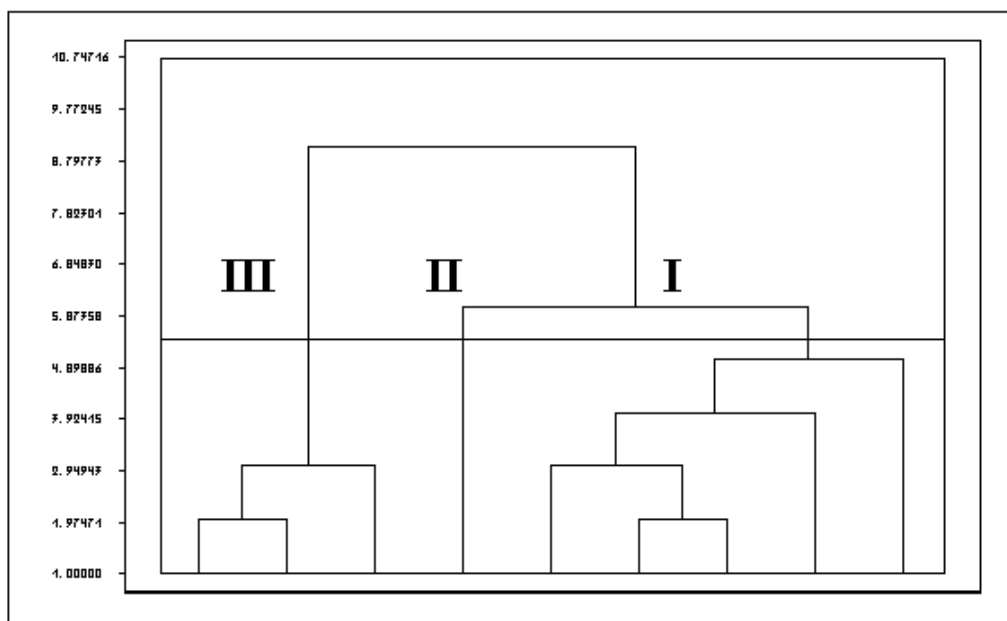

Рис. 20. Результаты группировки мужских погребений могильника Байтал-Чапкан.

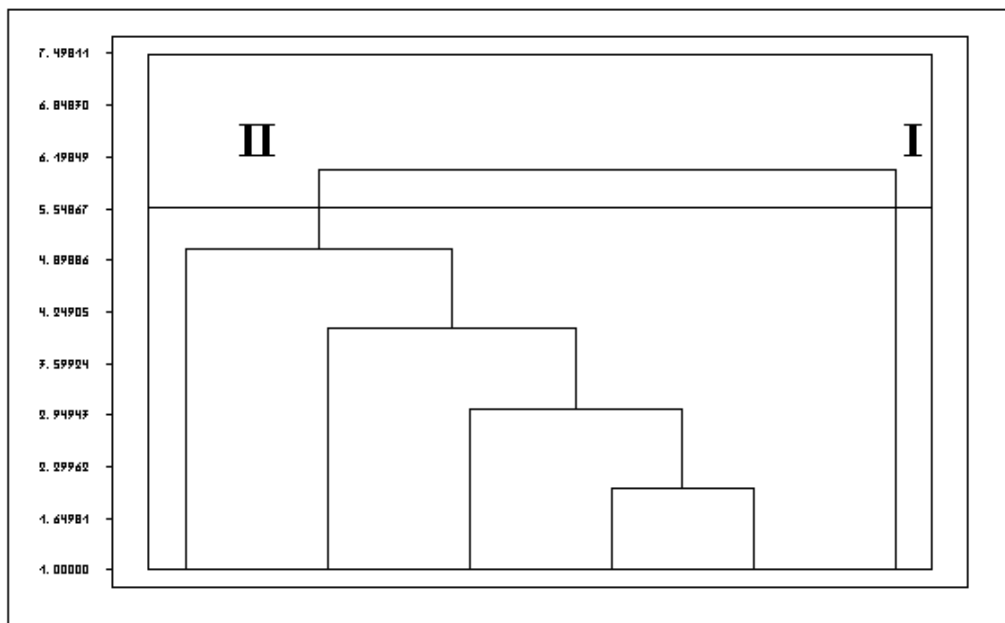

Рис. 21. Результаты группировки женских погребений могильника Байтал-Чапкан.

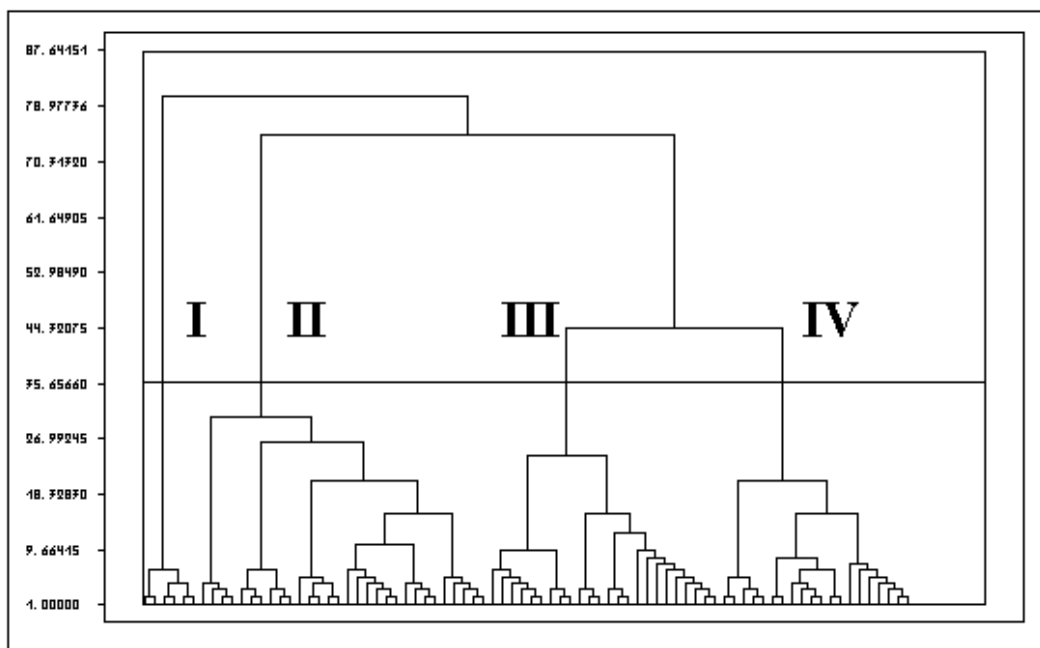
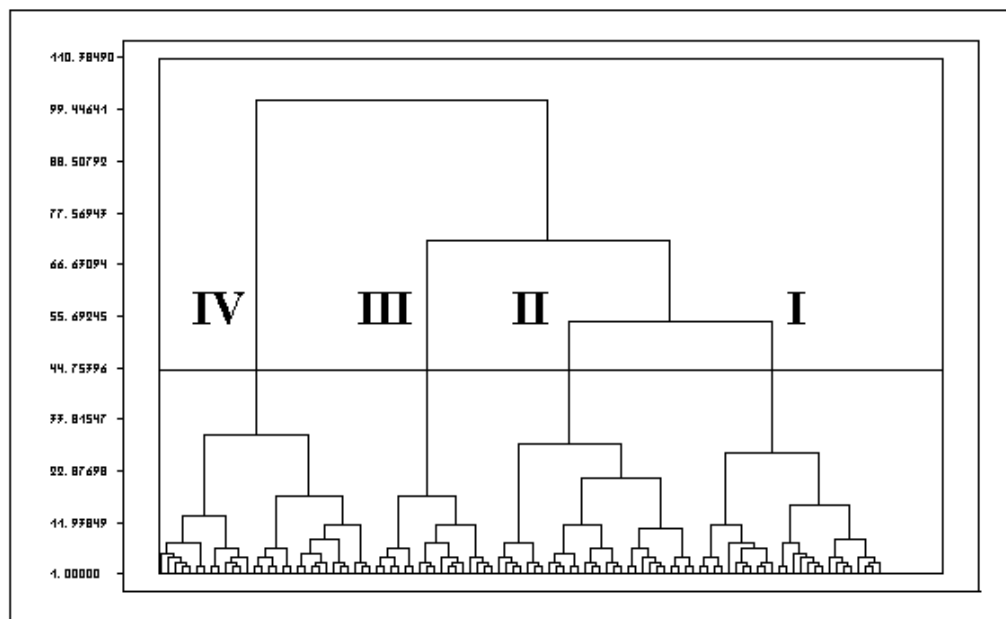
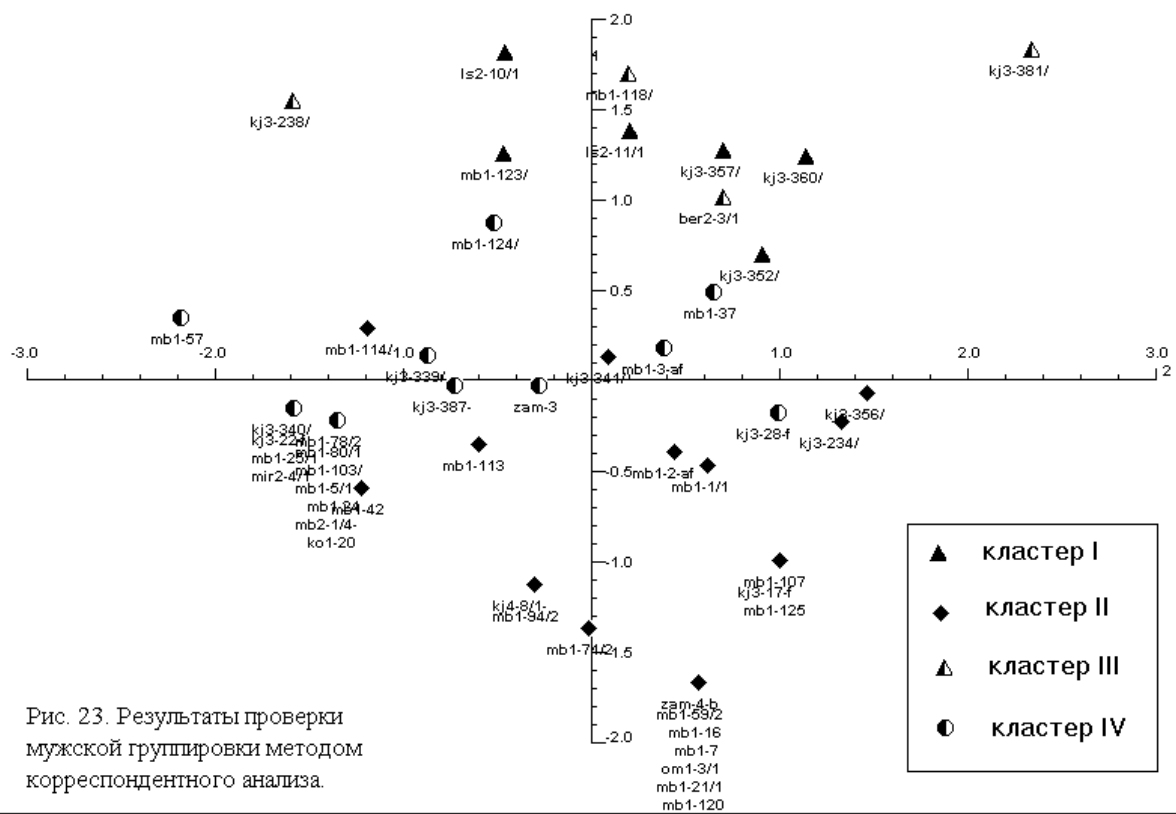

Рис. 22. Группировка мужских погребений V-VIII вв. Кисловодской котловины.

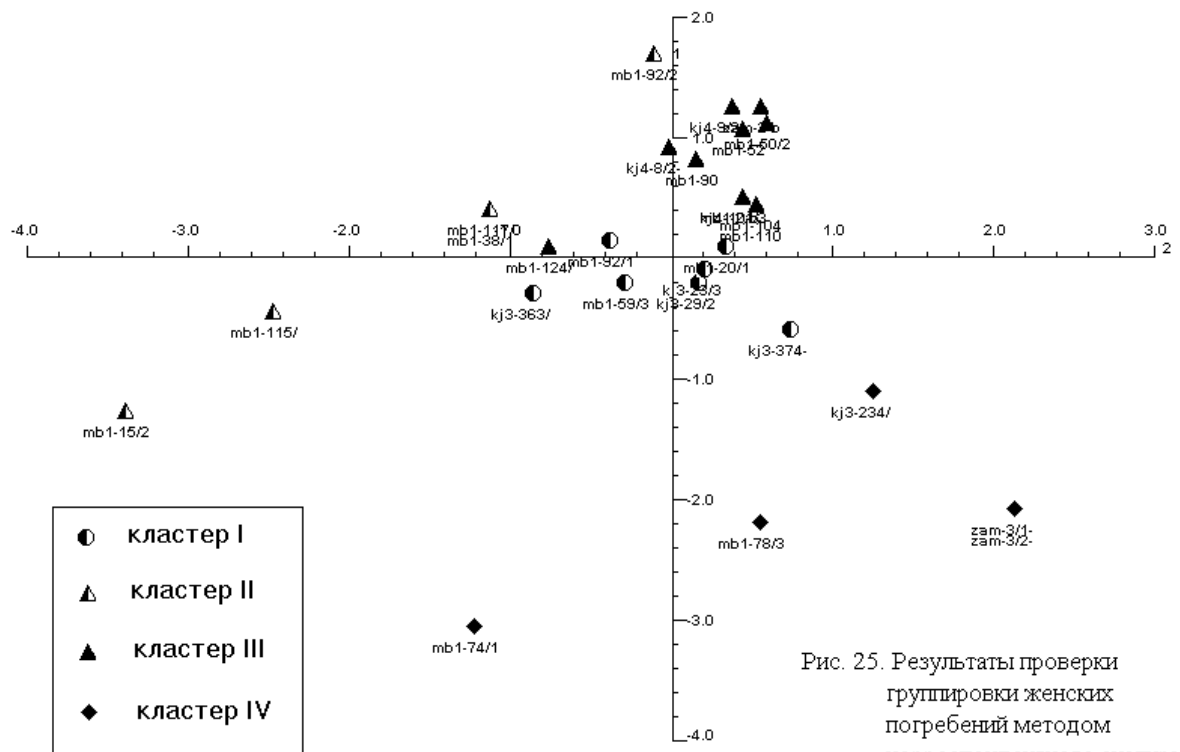

Рис. 25. Результаты проверки группировки женских погребений методом корреспондентного анализа.

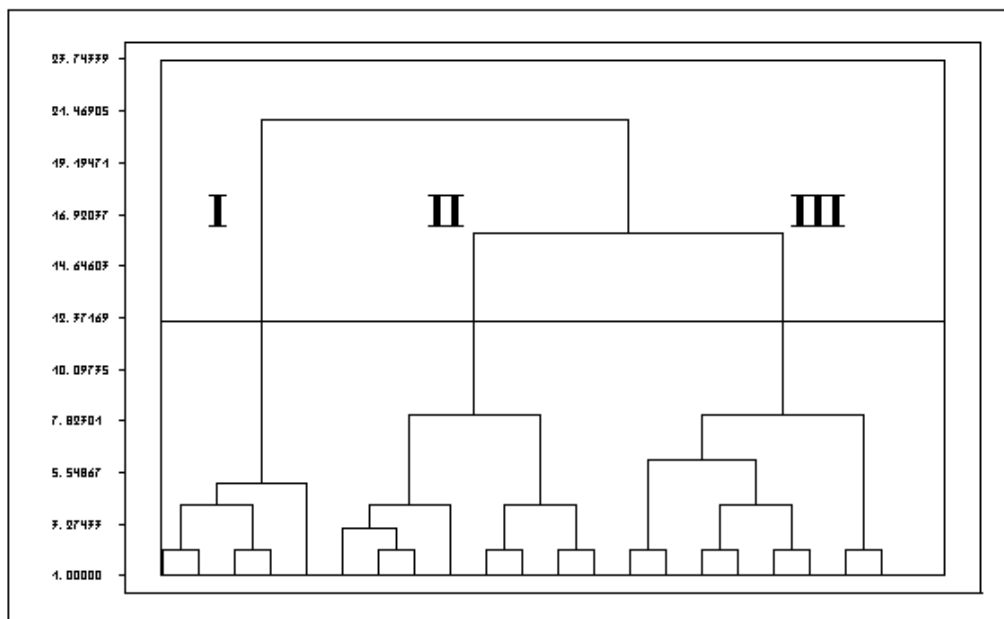

Рис. 26. Группировка мужских погребений VIII-IX вв. могильника Тарский.